

Макс Вебер

Основные социологические понятия¹

Предварительное замечание. Метод этой вводной дефиниции понятий – необходимой, но неизбежно кажущейся абстрактной и далекой от действительности, – отнюдь не претендует на новизну. Напротив, наша задача состоит лишь в том, чтобы сформулировать (надемся) в более целесообразных и несколько более корректных выражениях (быть может, это создаст впечатление некоторого педантизма) то же самое, что предполагается любой эмпирической социологией, когда речь в ней заходит о том же предмете. Это относится и к тем случаям, когда используемые выражения кажутся непривычными или новыми. По сравнению со статьей, опубликованной в журнале *Logos*, [Bd.] IV (1913) S. 253 ff², мы основательно упростили здесь терминологию, а потому также изменили ее, чтобы сделать как можно более понятной. Однако потребность в непрерывной популяризации иногда оказывалась несовместимой с потребностью в как можно большей точности понятий, и тогда первая должна была уступить последней.

О «понимании» см. «Общую психопатологию» Ясперса³ (а также некоторые замечания Риккерта во втором издании «Границ естественно-научного образования понятий»⁴ и, в особенности, Зиммеля в «Проблемах философии истории»⁵). В методическом отношении я уже не в первый раз отсылаю [читателя] к работе Ф. Готтля «Господство слова»⁶, правда, трудновато для понимания написанной и не всюду до конца продуманной; в содержательном отношении – к прекрасному труду Ф. Тённиса «Общность и общество»⁷. Далее, [следует указать] на весьма сильно вводящую в заблуждение книгу Р. Штамлера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории»⁸ и мою критику [этого сочинения] в «Архиве социальной науки», т. XXIV (1907)⁹, где в значительной мере уже содержались основы нижеследующего [изложения]. С методом

¹ Опубликовано в кн.: Теоретическая социология. Антология. В двух тт. / Сост. и общ. ред. С. П. Баньковская. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Т. 1. С. 70-146.

² См.: Weber M. Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 7. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1988. S. 427-474. В русском переводе: Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1989. С. 495-546.

³ См. Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie. В русском переводе: Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997.

⁴ См. Rickert H. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 1913. S. 514-523. В русском переводе: Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. Спб.: Изд. Е. В. Кусковой, 1903 (перевод сделан с первого издания).

⁵ Имеется в виду второе издание, сильно отличающееся от первого. См.: Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie: eine erkenntnistheoretische Studie. 2., völlig veränderte Aufl. Leipzig: Duncker & Humblot, 1905. Русский перевод сделан с первого издания. См.: Зиммель Г. Проблемы философии истории. М., 1898.

⁶ См.: Gottl-Ottlilienfeld Fr. v. Die Herrschaft des Wortes. Untersuchungen zur Kritik des nationalökonomischen Denkens, Jena, 1901.

⁷ См.: Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft: Abhandlung des Communismus und des Socialismus als empirischer Culturformen. Leipzig: Fues, 1887.

⁸ Stammer R. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung: eine sozialphilosophische Untersuchung. Leipzig: Veit, 1896.

⁹ См.: Weber M. R. Stammers «Überwindung» der materialistischen Geschichtsauffassung // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 7. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1988. S. 291-359.

Зиммеля (в его «Социологии» и «Философии денег»¹⁰) я расхожусь, самым основательным образом разделяя [субъективно] *предполагаемый* и объективно *значимый* «смысл», которые *Зиммель* не только не всегда разделяет, но часто даже преднамеренно допускает, чтобы в его изложении один перетекал в другой.

§ 1. Социологией (в том смысле, в каком здесь понимается это весьма многозначное слово) будет называться наука, которая намерена, истолковывая, понять социальное действие и тем самым дать причинное объяснение его протекания и его результатов. «Действованием» будет при этом называться человеческое поведение (все равно, внешнее или внутреннее делание, воздержание или терпение), если и поскольку действующий или действующие связывают с ним субъективный *смысл*. «Социальным» же действованием будет называться такое, которое по своему смыслу, предполагаемому действующим или действующими, соотнесено с поведением *других* и ориентировано на него в своем протекании.

I. Методические основы

1. «Смысл» здесь [рассматривается] как субъективно *предполагаемый* либо а) фактически самими действующими а. в некотором исторически данном случае или б. в среднем и приблизительно в некоторой данной массе случаев, либо б) действующим или действующими, который или которые *мыслятся* как тип в некотором сконструированном в понятиях *чистом* типе. [Этот смысл] не является каким-то объективно «правильным» или метафизически постигаемым «истинным» смыслом. В том и состоит отличие эмпирических наук о действовании – социологии и истории – от всех остальных догматических [наук]: юриспруденции, логики, этики, эстетики, которые нацелены на изучение в своих объектах «правильного», «значимого» смысла.

2. Граница между осмысленным¹¹ действованием и сугубо реактивным (как мы будем здесь его называть) поведением, не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, чрезвычайно подвижна. Весьма значительная часть всего социологически релевантного поведения, в особенности чисто традиционное действие (см. ниже), находится на границе между ними. Осмысленное, т.е. могущее быть понятым, действие при некоторых психофизических процессах вообще не имеет места, в других случаях [его могут обнаружить] лишь эксперты-профессионалы; мистические, а потому не поддающиеся адекватной передаче в словесной коммуникации процессы в полной мере не понятны тому, кому недоступны такие переживания. Напротив, способность самостоятельно совершить действие того же рода [что и действие другого человека], не является предпосылкой возможного понимания: «не нужно быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря». Полная «сопереживаемость» важна для очевидности понимания, но не является абсолютным условием толкования смысла. Доступные и недоступные пониманию составляющие одного и того же процесса часто смешаны и соединены между собой.

3. Всякое толкование, как и вообще всякая наука, стремится к «очевидности». Очевидность понимания может иметь либо [а)] рациональный характер (и тогда он или логический, или математический), либо [б)] характер вчувствующего сопереживания (эмоциональный, художественно-рецептивный). Рационально очевидным в области действия является прежде всего то, что в полной мере и без остатка *интеллектуально* понято во взаимосвязи смысла, предполагаемого [действующим в его действии]. Очевидно для вчувствования то, что полностью сопережито во взаимосвязи чувства, переживаемого в действии. Рационально понятны, то есть, в данном случае,

¹⁰ См.: Simmel G. Philosophie des Geldes. 2. Aufl. Leipzig: Duncker & Humblot, 1907; Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.

¹¹ В оригинале: «sinnhaft». Существует тонкое различие между «осмысленным» (по-немецки скорее «sinnvoll»), нежели «sinnhaft») как результатом деятельности осмысления, позитивно оцениваемым в противоположность «бессмысленному» (sinnlos), и «смысловым», характеристики которого более размыты и нейтральны. Сохранить это различие в русском переводе значило бы сделать его еще более трудным для восприятия, тогда как выигрыш в отношении точности был бы не столь велик. Мы переводим «sinnhaft», в зависимости от контекста, как «осмысленный» или «по смыслу», не оговаривая этого специально.

непосредственно и однозначно интеллектуально постижимы по смыслу прежде всего и более всего смысловые связи математических или логических высказываний. Мы совершенно однозначно понимаем, что это означает по смыслу, когда кто-то использует в мышлении или аргументации положение « $2 \times 2 = 4$ » или теорему Пифагора или «правильно» – с точки зрения наших привычек мышления – выстраивает цепочку логических выводов. То же самое [происходит и в том случае], если [исходя] из «фактов опыта», которые мы считаем «известными», и данных целей, он делает выводы относительно того, какого рода средства (по нашему опыту) однозначно необходимы для действия. Всякое толкование некоторого рационально ориентированного таким образом действия имеет – для понимания применяемых *средств* – высшую степень очевидности. Не с той же самой, но с достаточной, чтобы удовлетворить нашу потребность в объяснении, очевидностью мы понимаем и такие «заблуждения» (включая и переплетения проблем), которым подвержены и мы сами, либо же их возникновение может быть сделано доступным переживанию путем вчувствования. Напротив, многие последние «цели» и «ценности», на которые, по опыту, может быть ориентировано действие человека, мы очень часто *не* способны понять с полной очевидностью, а способны лишь, при некоторых обстоятельствах, к их интеллектуальному постижению, но при этом, чем радикальнее они отличаются от наших собственных последних ценностей, тем труднее нам посредством вчувствующей фантазии сделать их понятными *в сопереживании*. В зависимости от ситуации, мы тогда должны удовлетвориться только их *интеллектуальным* истолкованием, или, при определенных обстоятельствах, если и это не удастся, даже принять их просто как данности и сделать для себя понятным протекание мотивированного ими действия, исходя из максимально возможного интеллектуального толкования или максимально возможного приблизительного вчувствующего сопереживания тех моментов, на которые [это действие] ориентировано. Сюда относятся, например, многие религиозные и милосердные деяния виртуозов¹², [непонятные] для того, кто к ним невосприимчив. Сюда относятся равным образом и проявления крайнего рационалистического фанатизма («права человека»), [непонятные] для того, кто, со своей стороны, радикально отвергает такую ориентацию [действия]. – Актуальные аффекты (страх, гнев, тщеславие, зависть, ревность, любовь, воодушевление, гордость, жажда мщения, набожность, самоотдача, всякого рода вожделения) и иррациональные (с точки зрения рационального целевого действия) реакции, которые из них следуют, мы способны с тем большей очевидностью сопережить эмоционально, чем больше мы сами подвержены им, но при этом всякий раз, даже если они по своей степени абсолютно превышают наши возможности, [мы способны] понять их, осмысленно в них вчувствуясь, и интеллектуально учесть их влияние на то, [какое] направление [принимает] действие, и [какие] средства [в нем используются].

Для научного рассмотрения, образующего *типы*, все иррациональные, аффективно обусловленные смысловые связи поведения, которые влияют на действие, наиболее обозримы, если изображаются и исследуются как «отклонения» от его сконструированного целерационального протекания. Например, при объяснении паники на бирже сначала целесообразно установить, как она происходила *бы без* влияния иррациональных аффектов действия, а затем уже добавить эти иррациональные компоненты в качестве «помех». Точно так же при [объяснении] политической или военной акции сначала целесообразно установить, как протекало *бы* действие при знании всех обстоятельств и всех намерений участников и при строго целерациональном, ориентированном на представляющийся нам значимым опыт выборе средств. Лишь так становится затем возможным каузальное вменение отклонений от него обуславливающим это отклонение иррациональностям. Таким образом, в этих случаях конструкция строго целерационального действия, из-за его очевидной понятности и его – присущей рациональности – однозначности служит

¹² Понятие «виртуоз» широко используется Вебером прежде всего в социологии религии. Только виртуозы способны, например, к выработке и усвоению изоцирированной догматики, предельному напряжению духовных и физических сил в мистике и аскезе и т.п.

социологии как *тип* («идеальный тип»), чтобы понять реальное, подверженное влиянию всякого рода иррациональностей (аффекты, заблуждения) действие как «отклонение» от его протекания, ожидаемого при чисто рациональном поведении.

Постольку и лишь в силу этой методической целесообразности метод «понимающей» социологии «рационалистичен». Но эту процедуру, конечно, нельзя рассматривать как рационалистический предрассудок социологии, ее следует понимать только как методическое средство и, таким образом, не следует истолковывать, например, так, что в жизни надо всем господствует рациональное. Ибо о том, насколько в реальности рациональные соображения относительно цели определяют или не определяют *фактически* [совершаемое] действие, эта процедура как раз вообще ничего говорить не должна. (Тем самым мы отнюдь не отрицаем реальной опасности совершенно неуместных рационалистических толкований. К сожалению, весь наш опыт подтверждает, что такая опасность существует.)

Все науки о действии рассматривают бессмысловые <sinnfremde> процессы и предметы как поводы, результаты, благоприятные обстоятельства или препятствия для человеческого действия. «Бессмысловое» здесь не тождественно «безжизненному» или «нечеловеческому». Всякий артефакт, например, «машину» можно истолковать и понять, только исходя из того смысла, который человеческое действие (направленное, возможно, на совершенно отличные цели) сообщило (или желало сообщить) производству и применению этого артефакта; без обращения к этому смыслу она остается совершенно непонятной. Понятна здесь, таким образом, соотносительность с ней человеческого *действия*, либо как «средства», либо как «цели», которая мерещилась одному или многим действующим и на которую было ориентировано их действие. *Только* в этих категориях происходит понимание таких объектов. Бессмысловыми, напротив, остаются все – одушевленные, неодушевленные, [случающиеся] помимо людей и среди людей – процессы и ситуации без *предполагаемого* смыслового содержания, коль скоро они *не* вступают с действием в отношении «средства» или «цели», но представляют собой только повод к нему, стимул или препятствие. Внезапное появление Долларта в конце XIII в.¹³ имело (возможно!) «историческое» значение, поскольку вызвало известные процессы переселения, весьма серьезно повлиявшие на ход истории¹⁴. Последовательное угасание и вообще органический круговорот жизни – от беспомощности ребенка до беспомощности старца – имеет, безусловно, первостепенное социологическое значение в силу того, каким образом ориентировалось и ориентируется на это положение дел человеческое действие. Еще одну категорию образуют недоступные пониманию данные опыта, относящиеся к психическим или психофизиологическим процессам (утомление, упражнение, память и т.д., но также, например, типичная при определенных формах умерщвления плоти эйфория, типичные различия в способах реакции, в зависимости от темпа, вида, однозначности и т.д.). В конечном счете, здесь такое же положение дел, как и в случае с другими данностями, недоступными пониманию: и практически действующий, и понимающий наблюдатель относится к ним просто как к «данным», с которыми приходится считаться.

Конечно, существует возможность, что в будущем исследования обнаружат *недоступные* пониманию регулярности также и в поведении собственно *смысловом*, хотя до сих пор это и не удавалось. Например, различия в биологическом наследственном материале («рас») (если и поскольку было бы статистически убедительно продемонстрировано их влияние на характер социологически релевантного поведения, т.е. в особенности на характер соотношенного со *смыслом* социального действия) следовало бы принять как социологические данности, подобно тому, как принимают физиологические факты,

¹³ Долларт – морской залив в устье реки Эмс на германо-нидерландской границе. Образовался в 1277 г. в результате штормового прилива.

¹⁴ Вебер говорит здесь об «истории» в двух смыслах и использует два разных термина. «"Историческое" ("historische") значение» относится к истории как науке; «значение для хода истории» («geschichtliche Tragweite») предполагает самую историческую действительность.

например, характер потребности в пище или влияние старения на действие. А признание их каузального значения, конечно, даже в малой мере не изменило бы задачу социологии (и наук о действии вообще): истолковывающим образом понимать осмысленно ориентированные действия. В свои связи мотивации, доступные понятному истолкованию, она только в определенных местах включала бы недоступные пониманию факты (например, типические связи между частотой определенным образом целенаправленных действий или степенью его типичной рациональности и индексом черепа или цветом кожи, или какими бы то ни было еще наследственными физиологическими качествами), подобно тому, как это делается уже сегодня (см. выше).

5. Понимание может означать: 1. *актуальное* понимание предполагаемого смысла некоторого действия (в том числе и высказывания). Например, мы актуально «понимаем» смысл положения « $2 \times 2 = 4$ », которое мы слышим или читаем (рациональное актуальное понимание мыслей) или [смысл] вспышки гнева, проявляющейся в выражении лица, междометиях, иррациональных движениях (иррациональное актуальное понимание аффектов), или поведение дровосека, или того, кто берется за засов, чтобы закрыть дверь, или прицеливается в зверя ружьем (рациональное актуальное понимание действий). – Но понимание может также означать: 2. *объясняющее* понимание. Мы «понимаем» *в соответствии с мотивацией*, какой смысл тот, кто высказывает или записал положение « $2 \times 2 = 4$ », вложил в то, что он *сделал* это именно теперь и в данной связи, если мы видим, что он занят торговой калькуляцией, научным доказательством, техническими расчетами или иными действиями, к взаимосвязи которых, согласно их понятному для нас *смыслу*, «принадлежит» это положение, т.е. оно обретает понятную для нас смысловую *связь* (рациональное понимание мотивации). Мы понимаем рубку дров или прицеливание ружья не только актуально, но и в соответствии с мотивацией, если знаем, что дровосек совершает это действие за плату или для удовлетворения своей собственной потребности, или чтобы отдохнуть (рационально), или, например, для того, чтобы «дать выход возбуждению» (иррационально), или [если мы знаем, что] стреляющий действует по приказу с целью казнить [осужденного], или сражаясь с врагом (рационально), или из мести (аффективно, т.е. в данном случае: иррационально). Наконец, мы понимаем в соответствии с мотивацией гнев, если мы знаем, что в основе его лежит ревность, уязвленное честолюбие, поруганная честь (аффективно обусловленное [действие]), т.е. иррациональное [понимание] в соответствии с мотивацией). Все это – понятные *смысловые связи*, понимание которых мы рассматриваем как *объяснение* фактического протекания действия. То есть для науки, которая занимается смыслом действия, объяснение означает именно постижение смысловой *связи*, к которой принадлежит, по своему субъективно предполагаемому смыслу, некоторое актуально понятное действие. (О каузальном значении этого «объяснения» см. пункт 6.) Во всех этих случаях, в том числе и при аффективных процессах, мы намерены называть субъективный смысл происходящего, в том числе и смысловой связи, «предполагаемым» смыслом (выходя тем самым за рамки обычного словоупотребления, когда, как правило, о «предположении» <Meinen> в таком значении говорят лишь применительно к рациональному и целенаправленному преднамеренному действию).

6. Во всех этих случаях «понимание» означает истолковывающее постижение смысла или смысловой связи: а) который реально предполагался в отдельном случае (при историческом рассмотрении) или б) предполагается в среднем и приблизительно (при массовом социологическом рассмотрении), или с) применительно к *чистому* типу (идеальному типу) некоторого часто повторяющегося явления подлежит научному конструированию («идеально-типический» [смысл или смысловая связь]). Такими идеально-типическими конструкциями являются, например, понятия и «законы» чистой теории учения о народном хозяйстве. Они показывают, как протекало *бы* некоторого определенного рода человеческое действие, *если бы* оно было ориентировано строго целерационально, без помех со стороны заблуждений и аффектов, и, кроме того, *если бы* оно было совершенно однозначно ориентировано только на одну цель (хозяйство). Реальное действие

протекает таким образом лишь в редких случаях (на бирже), и даже тогда оно только приблизительно протекает так, как это сконструировано в идеальном типе. (О том, какова цель таких конструкций см. [мои рассуждения в:] Archiv f. Sozialwiss. [Bd.] XIX. S. 64 ff, а также ниже, пункт 11.)

Всякое толкование стремится к очевидности. Но сколь бы ни было очевидным по смыслу истолкование, как таковое и только в силу этого характера очевидности оно еще не может претендовать на то, что является также казуально *значимым* толкованием. Само по себе оно есть лишь особенно очевидная каузальная *гипотеза*. а) Приводимые действующим «мотивы» и «вытеснения» (т.е. прежде всего: мотивы, в которых он сам себе не признается) достаточно часто скрывают для него самого действительную связь ориентации его действия таким образом, что даже его честные свидетельства о себе имеют лишь относительную ценность. В этом случае перед социологией стоит задача выявить эту связь и истолковывающим образом зафиксировать ее, *хотя* она не бывает *осознана* или, по большей части, бывает осознана не вполне, не предполагается [действующим] *in concreto*: это один из предельных случаев истолкования смысла. б) У действующего или действующих в основе внешних процессов действия, которые мы считаем «одинаковыми» или «сходными», могут лежать в высшей степени различные смысловые связи, и мы «понимаем» также весьма сильно расходящееся, по смыслу прямо-таки противоположное действие в ситуациях, которые мы рассматриваем как нечто между собой «однородное» (примеры см. у Зиммеля, [в его] «Probl[eme] der Geschichtsphil[osophie]»). с) Действующие люди в данных ситуациях очень часто подвержены противоположным, противоборствующим между собой побуждениям, которые мы «понимаем» в их совокупности. Но в борьбе мотивов содержатся различные соотношения со смыслами, *одинаково* понятные для нас, и то, с какой относительной *силой* они выражают себя в действовании, нельзя в большинстве случаев, как показывает опыт, оценить даже приблизительно, во всяком случае, здесь, как правило, невозможна полная уверенность. Только фактический исход борьбы мотивов вносит ясность. Таким образом, понятное истолкование смысла, подобно [проверке] любой гипотезы, неизбежно приходится контролировать по результату, т.е. по исходу фактического протекания [действий]. Относительной точности удастся достигнуть только в психологических экспериментах, в очень редких, к сожалению, случаях, которые особенно пригодны для такого толкования. И только с очень разной степенью приближенности [этого удастся достигнуть] благодаря статистике, в случаях (тоже весьма немногих), когда массовые явления поддаются исчислению и однозначному вменению. В остальных случаях имеется только возможность сравнивать между собой как можно больше процессов исторической или повседневной жизни, однородных друг другу во всем, кроме *одного* решающего пункта, а именно, «мотива» или повода, которые исследуются в отношении их практического значения. В этом состоит важная задача сравнительной социологии. Однако часто, к сожалению [в нашем распоряжении], остается только более ненадежное средство, «мысленный эксперимент», т.е., чтобы добиться каузального вменения, к цепочке мотиваций *додумываются* отдельные составляющие и конструируется вероятное *тогда* протекание [действий]. Например, так называемый «закон Грешема» – это рационально очевидное истолкование человеческого действия в данных условиях и при идеально-типической предпосылке чисто целерационального действия. Насколько же [люди] *фактически* действуют в соответствии с ним, способен показать только опыт ([который], в конечном счете, может быть, в принципе, выражен статистически) фактического исчезновения из обращения слишком низко оцениваемых в денежной системе видов монеты; и опыт действительно в большой мере подтверждает значимость этого закона. На самом деле, путь познания был таким: *сначала* имелись опытные наблюдения, а затем было сформулировано истолкование. Без этого успешного истолкования наша казуальная потребность осталась бы явно неудовлетворенной. Но, с другой стороны, если бы не было продемонстрировано, что мысленно постигаемое – как мы намерены считать – поведение [людей] до некоторой степени действительно протекает [именно] таким образом, то даже сам по себе совершенно

очевидный закон был бы конструкцией, не имеющей никакой ценности для познания реального действования. В приведенном примере согласие между смысловой адекватностью и проверкой на опыте вполне убедительно, а количество случаев достаточно велико, чтобы считать надежной и эту проверку. Остроумная, имеющая характер смысловой очевидности <sinhaft erschließbare>, подкрепляемая <указанием на>симптоматические процессы (отношение к персам эллинских оракулов и пророков) гипотеза Эд. Майера о каузальном значении битв при Марафоне, Саламине, Платеях для своеобразного развития эллинской (а тем самым – и всей западной) культуры может быть подтверждена лишь путем такой проверки, при которой будет учитываться поведение персов в случае победы (Иерусалим, Египет, Малая Азия) и которая во многих аспектах неизбежно должна остаться несовершенной. Здесь безусловно должна помочь значительная рациональная очевидность гипотезы. Однако очень часто кажущиеся весьма очевидными исторические вменения невозможно проверить даже таким образом. И тогда вменение уже окончательно считается «гипотезой».

7. «Мотивом» называется смысловая связь, которую сам действующий или наблюдатель считает осмысленным «основанием» поведения. «Адекватным по смыслу» связно протекающее поведение должно называться в той степени, в какой соотношение его составляющих мы, в соответствии со средними привычками мышления и чувства, характеризуем как типичную (мы обычно говорим: правильную) смысловую связь. Напротив, «каузально адекватной» последовательность процессов должна называться в той мере, в какой, в соответствии с правилами *опыта*, существует шанс, что она фактически будет всегда одной и той же. (Адекватным *по смыслу* в принятом здесь понимании является, например, *правильное*, согласно нашим обычным *нормам* исчисления или мышления, решение задачи на вычисление. *Каузально* адекватна – в объеме статистического появления – существующая, согласно проверенным правилам опыта, вероятность некоторого «правильного» или «ложного» – с точки зрения обычных для нас сегодня норм – решения, в том числе и типичной «ошибки в вычислении» или типичного «смещения проблем».) Итак, каузальное объяснение означает констатацию того, что, согласно некоторому *правилу* вероятности, которое можно каким-то образом определить, а в идеальном – редком – случае выразить в числовой форме, за определенным наблюдаемым (внутренним или внешним) процессом следует (или наступает вместе с ним) другой определенный процесс.

Правильное каузальное *истолкование* конкретного действования означает, что его внешнее протекание и мотив познаются *верно*, и вместе с тем связь их по смыслу познается *понятным* образом. *Правильное* каузальное *истолкование* *типичного* действования (понятного типа действия) означает, что называемый типичным процесс и представляется (в некоторой степени) адекватным по смыслу, и может быть (в некоторой степени) определен как каузально адекватный. Если нет смысловой адекватности, тогда даже при самой большой регулярности действования <Ablaufs> (как внешнего, так и психического), вероятность которой поддается точному числовому выражению, имеется лишь *непонятная* (или только не вполне понятная) статистическая вероятность. С другой стороны, даже самая очевидная смысловая адекватность лишь в той мере оказывается в рамках социологического познания правильным *каузальным высказыванием*, насколько удастся доказать наличие (как бы его ни определять) некоторого *шанса* на то, что действование с некоторой [точно] определенной или примерной частотой (в среднем или в «чистом» случае) *фактически действительно* совершается адекватно смыслу. Лишь такие статистические регулярности, которые соответствуют *понятному* предполагаемому смыслу социального действования, суть (в нашем смысле слова) понятные типы действования, т.е. «социологические правила». Лишь такие рациональные конструкции понятного по смыслу действования суть социологические типы реальных процессов, которые могут наблюдаться в реальности хотя бы с некоторым приближением. Дело здесь совсем не в том, что параллельно устанавливаемой смысловой адекватности *всегда* растут и фактические шансы на то, что возрастет частота совершаемого соответствующим образом [действования]. Только внешний опыт может в каждом случае

показать, так ли это в действительности. – Его дает *статистика* (статистика смертности, утомляемости, эффективности машинного производства, выпадения осадков), [причем] применительно к *чуждым* смыслу процессам [ее данные] имеют совершенно тот же смысл, что и применительно к процессам смысловым. Но *социологическая* статистика (уголовная статистика, статистика профессий, цен, посевов) [говорит] только о последних (само собой разумеется, что нередки случаи, в которых сочетается *и то, и другое*: например, статистика урожаяев).

8. Процессы и регулярности, которые, будучи непонятными, в нашем смысле слова, не называются «социологическими фактами» или правилами, конечно, не становятся из-за этого менее *важными*. В том числе и для социологии, в том смысле, в каком она здесь понимается (ибо мы ограничиваемся «*понимающей* социологией»), которая никому не может и не должна быть навязана). Однако такие процессы и регулярности – и в методическом отношении это совершенно неизбежно – занимают совершенно иное место, чем доступное пониманию действие, а именно, место его «условий», «поводов», «помех», «благоприятных обстоятельств».

9. Действованием в смысле понятной по смыслу ориентации собственного поведения [действующего] мы всегда будем называть только поведение одного или нескольких *отдельных* лиц.

Для других познавательных целей может быть полезным и нужным понимать отдельного индивида, например, как обобществление «клеток» или как комплекс биохимических реакций, или рассматривать его «психическую» жизнь как конституированную отдельными элементами (как бы их ни квалифицировать). Так приобретается, несомненно, ценное знание (каузальные правила). Однако мы не *понимаем* выраженное в правилах поведение этих элементов. Так же обстоит дело и с психическими элементами, и даже чем более точно они будут постигаться естественнонаучным образом, тем *меньше* [мы будем их понимать]: истолкование, исходящее из предполагаемого *смысла*, здесь вообще невозможно. Но для социологии (в нашем смысле слова, а равным образом и для истории) именно *смысловая* связь действия является объектом постижения. Мы можем (по крайней мере, в принципе) попытаться наблюдать или даже, исходя из наблюдений, прояснить для себя поведение физиологических единиц, например, клеток или каких-нибудь психических элементов, [мы можем] найти их правила («законы») и с помощью последних каузально «объяснить» отдельные процессы, т.е. подвести их под правила. Однако истолкование действия лишь в той же самой мере и лишь в том же самом смысле принимает в расчет эти факты и правила, как и любые другие (например, физические, астрономические, геологические, метеорологические, географические, ботанические, зоологические, физиологические, анатомические, чуждые смыслу психопатологические факты или естественнонаучные условия технических фактов).

С другой стороны, для иных (например, юридических) познавательных целей или для целей практических может оказаться целесообразным и прямо-таки неизбежным рассматривать социальные образования ([например] «государство», «товарищество», «акционерное общество», «фонд» <Stiftung>) точно так же, как рассматриваются отдельные индивиды (например, как носителей прав и обязанностей или как субъекты <Täter> юридически релевантных действий). Напротив, для понимающего истолкования действия в социологии эти образования суть исключительно процессы и связи специфических действий *отдельных* людей, так как только эти последние являются для нас понятными носителями осмысленно ориентированного действия. Тем не менее социология ввиду своих познавательных целей не может, например, *игнорировать* эти коллективные мыслительные образования, полученные благодаря другим способам рассмотрения. Ибо [ее] истолкование действия имеет отношение к этим коллективным понятиям в следующих трех аспектах: а) сама она часто бывает вынуждена работать с весьма сходными (а иногда точно так же и называемыми) коллективными понятиями, чтобы вообще иметь [хоть какую-то] понятную *терминологию*. Например, как на языке юристов, так и в

обыденном языке [термин] «государство» означает и правовое *понятие*, и те фактические социальные действия, для которых должны иметь значимость¹⁵ юридические правила. Для социологии в «государство» как факт не обязательно включаются только юридически релевантные составляющие, не обязательно именно они. И, во всяком случае, для нее не существует никакой «действующей» коллективной личности. Если она говорит о «государстве» или «нации», или «акционерном обществе», или «семье», или «армейском корпусе», или о сходных «образованиях», то понимает под этим *исключительно* некоторое определенное социальное действие отдельных людей, фактическое или сконструированное как возможное, т.е. юридическому понятию, которое она использует ввиду его точности и привычности, она приписывает совершенно иной смысл. – б) истолкование действия должно принять во внимание следующий фундаментально важный факт: коллективные образования, которые имеются в повседневном мышлении или мышлении юридическом (или другой дисциплины) суть *представления* в головах реальных людей (не только судей и чиновников, но и «публики») о чем-то отчасти сущем, отчасти долженствующем иметь значимость, на которые *ориентируется* их действие, и как таковые они имеют мощное, часто прямо-таки преобладающее каузальное значение для того, каким образом протекает действие реальных людей. Прежде всего – как представления о *долженствующем* иметь значимость (или *не* иметь ее). (Поэтому современное государство в значительной степени существует именно таким образом – как комплекс специфического совместного действия людей, *потому что* определенные люди ориентируют свое действие на *представление*, что государство существует или *должно* таким образом существовать, т.е. что порядки такого юридически ориентированного рода *имеют значимость*. Об этом мы еще скажем ниже.) Хотя, согласно собственно социологической терминологии (см. пункт а.), и можно было бы полностью элиминировать эти понятия, используемые в обычном языке не только применительно к юридическому долженствованию значимости <Geltensollen>, но и применительно к реальным событиям, и заменить их совершенно новообразованными словами (хотя это и было бы крайним и, в основном, излишним педантизмом), однако, что касается данного важного положения дел, даже это, конечно, исключено. – с) Метод так называемой «органической» социологии (ее классический тип – замечательная книга *Шеффле* [Schäffle] «Bau und Leben des sozialen Körpers») пытается объяснить совместное общественное действие, исходя из «целого» (например, «народного хозяйства» <Volkswirtschaft>), в рамках которого отдельный человек и его поведение затем объясняются подобно тому, как, например, физиология объясняет положение органа тела в «хозяйстве» <Haushalt> организма (т.е. с точки зрения его сохранения). (Ср. знаменитое высказывание в лекции одного физиолога: «§ x: Селезенка. О селезенке, господа, мы ничего не знаем. Вот и все о селезенке!» На самом деле, этот физиолог «знал» о селезенке довольно много: ее местоположение, величину, форму и т.д. – он только не мог указать ее «функцию», и эту свою неспособность называл «незнанием».) Насколько такого рода *функциональное* рассмотрение «частей» «целого» должно (всенепременно) иметь ключевое значение в других дисциплинах, мы здесь обсуждать не намерены – известно, что биохимическое и биомеханическое рассмотрение не могло бы, в принципе, довольствоваться [только] этим [методом]. Для истолковывающей социологии такой способ выражения может служить 1. Целям практической наглядности и предварительной ориентации (в этой функции он может быть в высшей степени полезен и нужен, однако, при чрезмерно завышенной оценке его познавательной ценности и ложном

¹⁵ В оригинале: «gelten». Перевод осложняется тем, что в юридической литературе принято переводить это понятие как «иметь силу» и «действовать» (например, «закон имеет силу», «действует» («gilt»)). В философской и теоретико-социологической литературе приходится иметь в виду, что речь идет о восходящем к Р. Лотце и усвоенном неокантианцами (и не только ими) понятии «Geltung», которое применяется для характеристики мира ценностей, которые не суть ни вещи физического мира, ни психические факты, но *значимы, имеют значимость* (например, значимость долженствования). Для сохранения единства терминологии на протяжении всего текста мы предпочитаем этот последний перевод, за исключением редких случаев, когда юридическая терминология явно более адекватна.

реализме понятий он может также оказаться очень вредным). 2. При определенных обстоятельствах только он может помочь нам выявить то социальное действие, истолковывающее понимание которого *важно* для объяснения определенной связи. Но в этом пункте только *начинается* работа социологии (в нашем смысле слова). При [рассмотрении] «социальных образований» (в противоположность «организмам») мы в состоянии, *помимо* простой констатации функциональных связей и правил («законов»), достичь еще кое-чего, что совершенно недоступно никакой «естественной науке» (поскольку она устанавливает каузальные правила для процессов и образований и выводит из них «объяснения» отдельных событий), а именно, «*понять*» поведение *отдельных* участников, тогда как поведение, например, клеток мы *не* «понимаем», но можем только функционально постигнуть, а затем констатировать в соответствии с *правилами* его протекания. Этот добавочный результат понимающего объяснения в сравнении с наблюдающим куплен, конечно, ценой того, что результаты, которые можно получить путем истолкования, носят существенно более гипотетический и фрагментарный характер. Однако именно *этот* [добавочный результат] и специфичен для социологического познания.

Мы вообще оставляем в стороне вопрос о том, насколько нам «понятно» по смыслу также и поведение животных, а им – наше (то и другое в высшей степени неопределенно по смыслу и по объему) и насколько, таким образом, могла бы существовать социология отношений человека к животным (домашним и диким) (многие животные понимают приказ, гнев, любовь, агрессивные намерения и явно реагируют не исключительно механически-инстинктивно, но, некоторым образом, также и сознательно, осмысленно и ориентируясь на опыт). Степень нашей способности к вчувствованию сама по себе не многим выше, когда речь идет о поведении «естественного человека». Однако *надежных* средств, чтобы установить субъективность животного¹⁶, у нас либо вообще нет, либо же они совершенно неудовлетворительны: проблемы психологии животных, как известно, столь же интересны, сколь и мучительны. Особенно хорошо известно, что существуют самые разные обобществления животных: моногамные и полигамные «семьи», стаи, стада, наконец, «государства», основанные на разделении функций. (Эти обобществления животных дифференцируются отнюдь не параллельно дифференциации органов или морфологической дифференциации в ходе развития соответствующего животного вида. Так, дифференциация функций у термитов, а вследствие этого – также и дифференциация их артефактов гораздо больше, чем у муравьев или пчел.) Очевидно, что здесь чисто функциональное рассмотрение, т.е. выявление функций отдельных типов индивидов, имеющих решающее значение для сохранения соответствующий обществ животных («цари», «матки», «рабочие», «солдаты», «трутни», «половые особи»¹⁷, «матки-заменители» и т.д.), очень часто является, по меньшей мере, на данный момент, окончательным результатом, которым должно удовлетвориться исследование. Все прочее было долгое время просто спекуляциями или исследованиями того, в какой мере, с одной стороны, наследственный материал, а с другой, – среда могли бы участвовать в развитии этих «социальных» задатков. (Таковы как раз споры между Вейсманом – чья работа «Всесилие естественного отбора»¹⁸ во многом была основана на внеэмпирических дедукциях – и Гётте [Götte]). Однако все серьезные исследователи, конечно, полностью едины в том, что им приходится только временно, как они надеются, ограничиться и тем самым *удовлетвориться* функциональным познанием. (См., например, о состоянии исследования термитов работу *Escherlich'a* 1909 г.). Им бы хотелось не просто уяснить «важность для сохранения [вида]» функций этих отдельных дифференцированных типов, постигнуть которую достаточно легко, не просто разобраться в том, как объяснить эту дифференциацию, если не исходить из предпосылки о наследовании приобретенных свойств (а если все-таки исходить из нее, то как тогда истолковывать), но они хотели бы также знать:

¹⁶ В оригинале: «subjektiver Sachverhalt» – оборот, философски необыкновенно сложный, но в данном контексте явно используемый просто как *terminus technicus*.

¹⁷ Например, пол имеют далеко не все особи муравьев, но только те, что участвуют в воспроизводстве.

¹⁸ См.: Weismann A. Allmacht der Naturzüchtung: eine Erwiderung. Jena: Fischer, 1893.

1. Что же все-таки *запускает в ход* дифференциацию дотолле нейтрального, недифференцированного начального индивида, – и 2. Что побуждает дифференцированный индивид вести себя (в среднем) так, как это фактически служит интересу самосохранения дифференцированной группы. Прогресс [исследовательской] работы [пока что] повсюду был связан с экспериментальной демонстрацией (или предположением [о существовании]) химических раздражений или физиологических фактов (процессов питания, паразитарной кастрации и т.д.) применительно к *отдельным* индивидам. Вряд ли даже специалист смог бы сегодня сказать, до какой степени можно надеяться на экспериментальное подтверждение вероятности того, что существует также «психологическая» и «осмысленная» ориентация. Кажется, даже в качестве идеальной цели поддающаяся контролю картина психики <Psyche> этих социальных животных индивидов на базе осмысленного «понимания» <Verstehen> возможна только в узких пределах. Во всяком случае, не следует ожидать, что отсюда придет «уразумение» <Verständnis> человеческого социального действия; наоборот: [исследователи животных] работают и должны работать с аналогиями, которые берутся из жизни людей. Пожалуй, можно ожидать, что однажды эти аналогии станут полезными, если потребуются оценить, [какую роль] на ранних стадиях человеческой социальной дифференциации [играет] область чисто механически-инстинктивной дифференциации по отношению к тому, что понятно индивидуально-смысловым образом, и, далее, по отношению к тому, что создается *сознательно* и рационально. Понимающая социология должна, разумеется, отдавать себе отчет в том, что даже у людей на ранних стадиях развития первый компонент имеет совершенно преобладающее значение; что же касается последующих стадий, то следует также иметь в виду, что этот компонент действует постоянно и действует решающим образом. Таким процессам, которые можно постигнуть лишь биологически и либо совершенно не удастся, либо лишь отчасти удастся истолковать понятным образом и объяснить в соответствии с мотивами, весьма близки (почти незаметно переходя в них) все «традиционные» действия (§ 2) и, в весьма значительной степени, «харизма» (гл. III) как источник психической «заразы», а тем самым и носитель социологических «раздражений, [дающих начало] развитию». Но все это не освобождает понимающую социологию от ее задачи: понимая, сколь узки поставленные ей границы, [она должна] делать то, на что *способна* только она одна.

Поэтому в различных работах Отмара Шпанна, которые часто богаты удачными мыслями (конечно, наряду с некоторыми недоразумениями и прежде всего аргументами, выстроенными на основе сугубо ценностных суждений, не имеющих отношения к эмпирическим исследованиям), справедливо подчеркивается значение для всякой социологии *предварительной* функциональной постановки вопроса, оспаривать которую всерьез, конечно, никто не собирается (он называет это «универалистским методом»). Конечно, сначала следует знать, какое действие имеет функциональную *важность* с точки зрения «сохранения» (а также культурного своеобразия и даже в первую очередь – именно его!) и продолжающегося в определенном направлении формирования некоторого социального типа действия, чтобы затем иметь возможность поставить вопрос: как такое действие появляется? какие мотивы его определяют? Надо сначала знать, что *делает* «король», «чиновник», «предприниматель», «сутенер», «маг» – т.е. какое типическое «действие» (которое только и подводит его под эту категорию) *важно* для анализа и принимается во внимание, прежде чем приступать к этому анализу («отнесенность к ценности» в смысле Г. Риккерта). Но только этот анализ, в свою очередь, дает то, что может, а значит и должно, дать социологическое понимание действия, [совершаемого] типически дифференцированным отдельным человеком (и это относится *только* к людям). Чудовищное недоразумение, которое состоит в том, будто «индивидуалистический» *метод* (в *каком-либо* возможном смысле) означает индивидуалистическую *оценку*, необходимо во всяком случае исключить, равно как и мнение, будто неизбежно (относительно) рационалистический характер образования *понятий* означает веру в *преобладание* рациональных мотивов или даже позитивную *оценку* рационализма. Социалистическое

хозяйство должно было бы социологически истолковывающим образом тоже *пониматься* «индивидуалистически» точно так же, т.е. исходя из *действий отдельных людей* – тех типов «функционеров», которые в нем встречаются, – подобно тому, например, как понимаются процессы обмена учением о предельной полезности (или каким-нибудь другим, лучшим, но в *данном* аспекте сходным методом, если таковой обнаружится). Потому что и здесь решающая, эмпирическая социологическая работа начнется только с вопроса о том, какие мотивы *заставляли и заставляют* отдельных функционеров и членов этой «общности» вести себя так, что оно *возникло и продолжает существовать*. Всякое функциональное (идущее от «целого») образование понятий делает для этого лишь *предварительную* работу, полезность и необходимость которой, – если она сделана правильно, – конечно, бесспорна.

10. «Законы», как привыкли называть некоторые теоремы понимающей социологии, – например, «закон» Грешема, – суть подкрепленные наблюдениями типичные *шансы ожидаемого* хода социального действия при наличии определенных фактов [шансы], которые *понятны*, исходя из типичных мотивов и типичного смысла, предполагаемого действующим. Они в высшей степени понятны и однозначны постольку, поскольку в основании типичного наблюдаемого хода [социального действия] лежат сугубо целерациональные мотивы (или же, исходя из соображений целесообразности, такие мотивы положены в основу методически сконструированного типа) и если при этом отношение между средством и целью, судя по данным опыта, однозначно (когда средство «неизбежно»). В этом случае допустимо следующее высказывание: *если бы* действия были строго целерациональными, то действовать *следовало бы* так, *а не иначе* (потому что в распоряжении участников для достижения их – однозначно определенных – целей, по техническим основаниям, имеются лишь такие средства и никаких других). Именно этот случай показывает одновременно, сколь ошибочно видеть в качестве *той самой* последней «основы» понимающей социологии какую-либо «психологию». Под «психологией» сегодня каждый понимает нечто иное. Совершенно определенные методические цели оправдывают при естественнонаучном рассмотрении некоторых процессов разделение «психического» и «физического», которое в *этом* смысле чуждо наукам о действии. Результаты психологической науки (каковы бы ни были ее методические модификации), исследующей «психическое» средствами естественной науки действительно *лишь* в смысле естественнонаучной методики и, таким образом, *не* истолковывающей (потому что это нечто иное) человеческое поведение со стороны предполагаемого в нем *смысла* [эти результаты], могут, конечно, подобно результатам любой другой науки, в отдельных случаях оказаться важными для социологической констатации; часто они действительно очень важны. Но у социологии нет каких-либо, в общем, более близких отношений к психологии, чем к другим дисциплинам. Ошибка заключена в понятии «психического»: Что не есть «физическое», то – «психическое». Однако *смысл* примера на вычисление, который кто-либо имеет в виду, все-таки не «психичен». Рациональное размышление человека о том, что определенное действие в соответствии с определенными данными интересами может вызвать или не вызвать ожидаемые последствия, и принимаемое в соответствии с этим результатом решение не сделаются ни на йоту более понятными благодаря «психологическим» соображениям. Однако именно на таких рациональных предпосылках социология (включая и национальную экономию) выстраивает большинство своих «законов». Напротив, при социологическом объяснении *иррациональностей* действия *понимающая* психология, несомненно, может сыграть решающую роль. Но в основном методологическом положении дел это ничего не меняет.

11. Социология (для нас эта предпосылка уже неоднократно выступала как самоочевидная) образует понятия-*типы* и ищет *общие* правила хода событий [Geschehens]. В противоположность истории, которая стремится к каузальному анализу и каузальному вменению *индивидуальных культурно-значимых* действий, образов, личностей. Парадигматически *материал* при образовании понятий социологии берется преимущественным, хотя и не исключительным образом из реальностей действия,

которые релевантны также и с исторических точек зрения. Социология образует свои понятия и ищет свои правила прежде всего *также и* с той точки зрения, может ли она те самым сослужить службу историческому каузальному вменению культурно важных явлений. Как и во всякой генерализирующей науке, из-за своеобразия ее абстракций ее понятия должны оказаться относительно *бедны* содержанием по сравнению с конкретной реальностью исторического. Но зато ее понятия должны обладать большей *однозначностью*. Эта большая однозначность достигается благодаря как можно более оптимальному уровню *смысловой* адекватности, к которому стремится социологическое образование понятий. В наиболее полной мере (именно это до сих преимущественно и принималось во внимание) – в тех случаях, когда речь идет о рациональных (целерациональных и ценностно-рациональных) понятиях и правилах. Однако социология стремится также к постижению иррациональных (мистических, профетических, пневматических¹⁹, аффективных) явлений в теоретических, причем адекватных *смыслу* понятиях. Во *всех* случаях, как рациональных, так и иррациональных, она удаляется от действительности и служит ее познанию, указывая на степень *приближения* некоторого исторического явления к одному или нескольким таким понятиям, что позволяет его классифицировать <einordnen>. Например, одно и то же историческое явление может быть в какой-то части явлением «феодалного» вида, в другой части – «патримониального», еще в одной – «бюрократического», а еще в одной – «харизматического». Чтобы под этими словами подразумевалось что-то *однозначное*, социология должна, в свою очередь, разрабатывать «чистые» (*идеальные*) типы тех видов образований, которые обнаруживают последовательное единство как можно более полной *смысловой* адекватности, но именно поэтому, однако, в этой своей идеальной *чистой* форме, в реальности, вероятно, не встречаются, подобно физической реакции, которая вычисляется при условии абсолютно пустого пространства. Лишь исходя из *чистого* («идеального») типа возможна социологическая казуистика. И конечно, само собой разумеется, что социология также, в случае необходимости, использует и *средние* типы того эмпирико-статистического рода, который не требует методических разъяснений. Но когда социология говорит о «типичных» случаях, то, в общем, всегда имеет в виду *идеальный* тип, который, в свою очередь, *может* быть рациональным или иррациональным, по большей части (а, например, в теории национальной экономики – непременно) рационален, но всегда сконструирован адекватно *смыслу*.

Необходима полная ясность: в области социологии сколько-нибудь однозначные «средние», а значит, и «средние типы» можно образовать *только* в том случае, если речь идет о различных *степенях* качественно *однородного* определяемого смыслом поведения. Бывает и такое. Однако в большинстве случаев исторически или социологически релевантное действие совершается под влиянием качественно *гетерогенных* мотивов, из которых никакое «среднее», в собственном смысле слова, вывести нельзя. Например, идеально-типические конструкции теории хозяйства «чужды действительности» в том смысле, что они (в данном случае) предполагают только один вопрос: каким *было бы* идеальное и к тому же чисто хозяйственным образом ориентированное целерациональное действие. Таким образом, реальное действие, которое (по меньшей мере) *также и* тормозит традиция, на которое влияют *также и* аффекты, заблуждения, не связанные с хозяйством соображения и цели, во-первых, можно понять *постольку*, поскольку оно либо фактически определяется в данном конкретном случае *также и* экономически целерационально, либо в среднем именно таково; а во-вторых, именно благодаря тому, что его реальное протекание *далеко не совпадает* с идеально-типичным, легче будет понять его *действительные* мотивы. Точно так же надо поступать и с идеально-типической конструкцией последовательного, мистически обусловленного отношения к жизни (например, к политике и хозяйству). Чем более четко и однозначно сконструированы идеальные типы, т.е. чем более они (в этом смысле) *чужды* миру, тем они более эффективны

¹⁹ Т. е. боговдохновенных.

применительно к терминологии и классификации и тем более эвристичны. Работа историка, совершающего конкретное каузальное вменение отдельных событий, происходит, по сути дела, так же. Например, для объяснения военной кампании 1866 г. сначала (мысленно) определяют (что, собственно, и *требуется*), каковы *были бы* диспозиции Мольтке и Бенедека в случае идеальной целевой рациональности, если бы они все знали и о своем собственном положении, и о положении противника, – чтобы сравнить это с тем, каковы были фактические диспозиции, а затем каузально *объяснить* наблюдаемое несовпадение (обусловленное, например, ложной информацией, фактическими заблуждениями, ошибками в расчетах, личным темпераментом или соображениями, лежащими вне области стратегии). Здесь тоже (скрыто) используется целерациональная идеально-типическая конструкция.

Конструируемые понятия социологии имеют идеально-типический характер не только во внешнем отношении, но и во внутреннем. В огромной массе случаев *реальное* действие совершается так, что его «предполагаемый смысл» осознается либо лишь подспудно, либо не осознается вообще. Действующий куда больше неопределенно «чувствует» смысл, чем знает или «вполне уясняет» его, поступая в большинстве случаев по влечению или по привычке. Смысл действия (все равно, рациональный или иррациональный) доводится до сознания лишь время от времени, а при однородном действии масс его часто осознают лишь отдельные индивиды. По-настоящему эффективное, т.е. вполне осознанное и ясное, осмысленное действие представляет собой в реальности лишь предельный случай. Это обстоятельство придется принимать во внимание в любом историческом и социологическом рассмотрении при анализе *реальности*. Но это отнюдь не должно помешать образованию понятий в социологии путем классификации возможных «предполагаемых смыслов», то есть так, как если бы действие фактически совершалось с сознательной ориентацией на смысл. Всякий раз, когда реальность рассматривается в ее конкретности, социология должна принимать во внимание, что такие понятия далеки от реальности, и определить характер и степень этой удаленности.

Что же касается метода, то часто можно выбирать только между неясными или ясными, но нереальными и «идеально-типическими», терминами. В этом случае наука должна предпочитать последние. (См. об этом мою статью в *Archiv für Sozialwissenschaften*, Bd. XIX, на которую я указывал выше [пункт 6].)

II. Понятие социального действия

1. Социальное действие (включая воздержание или терпение) может ориентироваться на прошлое, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других (месть за нападение в прошлом, отпор нападению в настоящем, меры по защите от будущего нападения). «Другие» могут быть данными индивидами, знакомыми или неопределенными многими, совершенно незнакомыми (например, «деньги» – это обмениваемое благо, которое действующий принимает потому, что он ориентирует свое действие при обмене на ожидание, что весьма многочисленные, но незнакомые и неопределенно многие другие, в свою очередь, в будущем с готовностью примут его при обмене).

2. Не всякого рода действие – даже внешнее – есть «социальное» действие в указанном смысле. Внешнее действие не социально тогда, когда ориентируется лишь на ожидаемое поведение вещных объектов. Внутреннее поведение есть социальное действие лишь тогда, когда оно ориентируется на поведение других. Например, религиозное поведение не социально, если оно остается созерцанием, одинокой молитвой и т.д. Хозяйствование (отдельного индивида) социально лишь тогда и постольку, когда и поскольку в нем также учитывается поведение других. То есть, говоря в общем и совершенно формально, оно социально, если индивид принимает в расчет, что третьи лица признают его фактическую распорядительную власть над хозяйственными благами. В материальном же аспекте это хозяйствование социально, если потребление происходит с учетом будущего вождения третьих лиц и в характере «сбережений» индивида сказывается также и ориентация на это будущее вождение. То же самое происходит в производстве,

когда будущее вожеление третьих лиц становится основой собственной ориентации индивида, и т.д.

3. Не всякого рода соприкосновение людей носит социальный характер, но только поведение, по смыслу ориентированное на поведение других. Столкновение двух велосипедистов, например, есть просто событие, подобное природному явлению. Однако же их попытки избежать наезда и последовавшие за столкновением ругань, драка или мирное разбирательство уже были бы «социальным действием».

4. Социальное действие не тождественно ни а) *единообразному* действию многих, ни б) любому действию, которое совершается *под влиянием* поведения других.

а) Если на улице, когда начинается дождь, множество людей одновременно раскрывают зонты, то (в норме) действие одного не ориентировано здесь на действие другого, но действие всех одинаково ориентировано на потребность защититься от влаги. – б) Известно, что на действие индивида сильно влияет самый факт того, что он находится среди столпившейся в некотором месте «массы» (предмет исследований по массовой психологии, например, в духе Лебона): это действие, *обусловленное* массой. Даже рассеянные массы могут посредством одновременно или последовательно влияющего на индивида (например, через сообщения прессы) и воспринимаемого как таковое поведения многих превратить поведение индивидов в поведение, обусловленное массой. Одни виды реакций только и становятся возможными благодаря самому факту того, что индивид ощущает себя частью «массы», другие же становятся из-за этого затруднены. Определенное событие или человеческое поведение может поэтому вызвать здесь самые разные ощущения: веселость, гнев, воодушевление, отчаяние и вообще всякого рода страсти, чего не было бы при разрозненности индивидов (или это не было бы так легко), причем (по крайней мере, во многих случаях) между поведением индивида и фактом его нахождения в массе нет *смысловой* связи. Такое действие, протекание которого целиком или отчасти является результатом реакции на воздействие одного только факта «массы» как таковой, но не *соотносится* нею по смыслу, не будет «социальным действием» в том смысле, какой мы закрепили здесь за этим понятием. Конечно, различия между социальным и несоциальным в высшей степени нечетки. Ведь не только, например, у демагога, но часто и у самой массовой публики смысловое отношение к факту существования «массы» может быть разной интенсивности и в разной мере поддающееся толкованию. Далее, просто «подражание» чужому поведению (которому вполне справедливо придает большое значение Г. Тард) не подпадает под *специфическое* понятие «социального действия», если такое подражание сугубо реактивно и свое действие не ориентировано по смыслу на чужое действие. Граница здесь нечеткая, потому что различие между ними часто провести невозможно. Однако сам факт того, что некто, обнаружив у другого нечто, показавшееся ему целесообразным, принимается делать то же самое, не есть социальное действие в нашем понимании. Это действие не ориентировано на поведение другого, но *посредством* наблюдения за этим поведением действующий обнаруживает определенные объективные шансы и ориентируется на них. Его действие определяется чужим действием *каузально*, но не по смыслу. Напротив, если чужому действию подражают, потому что оно «модное», потому что значимо в силу традиции, значимо как образец, считается «аристократичным» и т.п., то здесь есть соотносительность со смыслом – либо с поведением того, кому подражают, либо с поведением третьих лиц, либо тех и других. Разумеется, бывает множество промежуточных явлений. Как обусловленность массой, так и подражание – нечетко очерченные предельные случаи социального действия, с которыми мы еще не раз столкнемся, например, при рассмотрении традиционного действия (§ 2). В этом случае, как и в других, четкости нет потому, что ориентацию на чужое поведение и смысл своего собственного действия отнюдь не всегда можно установить однозначно, их даже не всегда *осознают* и еще реже – осознают в полной мере. Уже поэтому не всегда можно с полной уверенностью различить просто «влияние» и смысловую «ориентацию». Но следует разделить их как понятия, хотя, конечно, подражание, носящее только «реактивный»

характер, имеет, *по меньшей мере*, такую же социологическую *важность*, как и «социальное действие» в собственном смысле слова. Ведь социология имеет дело отнюдь не *только* с социальным действием, оно *только* является (для социологии в нашем понимании) центральным фактом, так сказать, *конститутивным* для нее как науки. Но тем самым мы еще ничего не говорим о том, насколько *важен* этот факт по сравнению с другими фактами.

§ 2. Социальное действие, как и всякое действие, может определяться: 1). [соображениями] *целевой рациональности*, т.е. ожиданиями относительно поведения предметов внешнего мира и других людей, причем эти ожидания выступают как «условия» или «средства» для достижения результата: рационально поставленных и взвешенных *целей*; 2). [соображениями] *ценностной рациональности*, т.е. осознанной верой в безусловную – этическую, эстетическую, религиозную или как бы то ни было еще толкуемую – *самоценность* определенного поведения исключительно как такового, независимо от результата; 3). *аффективно*, прежде всего – *эмоционально*, т.е. актуальными аффектами и состоянием чувств; 4). *традиционно*, т.е. усвоенной привычкой.

1. Сугубо традиционное поведение – как и чисто реактивное подражание (см. предыдущий параграф), – находится уже на границе, а часто даже за границей того, что вообще можно называть ориентированным «по смыслу» действием. Потому что часто оно представляет собой не более чем тупую реакцию на привычные раздражители в соответствии с однажды усвоенной установкой. В значительной части все усвоенное повседневное действие приближается к этому типу, который мы включили в нашу систематику не только как предельный случай, но также и потому, что привязанность к привычному может в различной степени и в различном смысле сохраняться сознательно (об этом ниже); в таком случае этот тип действия приближается к типу № 2.

2. Сугубо аффективное поведение равным образом находится на границе, а часто и за границей того, что сознательно ориентировано «по смыслу»; оно может представлять собой не встречающее препятствий реагирование на некое внеобыденное раздражение. Если обусловленное аффектом действие выступает как *сознательная* разрядка состояния чувств, то это *сублимация*: такое действие по большей части (но не всегда) уже находится на пути к «рационализации [с точки зрения] ценности» или к целенаправленному действию, или к тому и другому.

3. Отличие аффективной ориентации действия от ценностно-рациональной состоит в том, что в последнем случае сознательно вычленяются те конечные ориентиры, на которые *последовательно* планомерно нацеливается действие. Впрочем, у них есть и общее: смысл действия в обоих случаях состоит не в достижении посредством действия некоторого результата, но в действии определенного рода как таковом. Аффективно действует тот, кто удовлетворяет свою потребность в немедленной мести, наслаждении, самоотдаче, созерцательном блаженстве или немедленном снятии аффективного напряжения (какими бы грубыми или утонченными ни были эти аффекты).

Чисто ценностно-рационально действует тот, кто действует без оглядки на предвидимые последствия, будучи убежден в том, что поступать так ему повелевает долг, достоинство, красота, религиозное предписание, благочестие или важность некоторой «вещи», какого бы рода она ни была. Ценностно-рациональное действие (в нашей терминологии) всегда есть действие согласно «заповедям» или в соответствии с требованиями, которые, как полагает действующий, перед ним поставлены. Лишь постольку, поскольку человеческое действие ориентируется на такие требования (всегда лишь частично, причем чаще всего – лишь в очень небольшой степени), мы намерены говорить о ценностной рациональности. Как будет показано ниже, значение ее достаточно велико, чтобы выделять ее в качестве особого типа, хотя мы и не пытаемся дать здесь сколь-нибудь исчерпывающую классификацию типов действия.

4. Целерационально действует тот, кто ориентирует свое действие в соответствии с целью, средствами и побочными последствиями и при этом рационально *взвешивает* как

средства относительно целей, так и цели относительно побочных последствий и, наконец, различные возможные цели между собой. Таким образом, он, во всяком случае, не действует *ни* аффективно (в особенности эмоционально), *ни* традиционно. При этом решение в пользу одной из конкурирующих и противоречащих друг другу целей может, в свою очередь, ориентироваться *ценностно-рационально*. В этом случае действие является целерациональным только по своим средствам. Или же действующий может без ценностно-рациональной ориентации на «заповеди» и «требования» выстроить конкурирующие и противоречащие друг другу цели просто как данные субъективные потребности на шкале сознательно *взвешенной* им насущности и соответственно ориентировать свое действие таким образом, что удовлетворяться они будут по возможности в указанной очередности (принцип «предельной полезности»). Таким образом, ценностно-рациональная ориентация действия может находиться в разного рода отношениях с целерациональной. Но с точки зрения целевой рациональности ценностная рациональность всегда *иррациональна*, причем тем более, чем сильнее она возводит ценность, на которую ориентируется действие, в ранг абсолютной ценности; потому что она тем менее обращает внимания на следствия действия, чем более безусловно важна для нее одна только его *самоценность* (чистая убежденность, красота, абсолютная доброта, абсолютное следование долгу). Но *абсолютная* целевая рациональность действия есть, по существу, – тоже лишь конструируемый предельный случай.

5. Действие, особенно социальное действие, очень редко бывает ориентировано *лишь* каким-то одним *или* другим определенным образом, а указанные виды ориентации, конечно, отнюдь не представляют собой исчерпывающей классификации, но являются понятийно чистыми типами, созданными для целей социологии, к которым реальное действие в большей или меньшей степени приближается или же – что случается чаще – из смешения которых оно образуется. Их целесообразность сможет подтвердить для *нас* лишь успех [исследования].

§ 3. Социальным «отношением» [Beziehung] называется поведение нескольких людей, по своему смысловому содержанию взаимно ориентированное и тем самым взаимно *настроенное* [eingestellt]. Таким образом, социальное отношение всецело и исключительно *состоит* в *шансе*, что будут совершаться (осмысленно) определенные социальные действия, все равно на чем этот шанс основывается.

1. Итак, *взаимное* соотнесение [Beziehung] действия с *обеих* сторон, хотя бы в минимальной степени, есть относящийся к понятию признак. Содержание может быть самым разным: борьба, вражда, половая любовь, дружба, благочестие, рыночный обмен, «выполнение» соглашения, [попытка его] «обойти» или его «разрыв», экономическая или эротическая или иная «конкуренция», сословная, национальная или классовая «общность» [Gemeinschaft] (*в том случае*, если последние факты, помимо просто общих черт, производят «социальное действие», – речь об этом пойдет ниже). Иными словами, само понятие *ничего* не говорит о том, существует ли «солидарность» действующих или же ее полная противоположность.

2. Речь всегда идет об эмпирическом смысловом содержании, действительно *предполагаемом* участниками в конкретном случае или предполагаемом в среднем, или в конструированном «чистом» типе, но отнюдь не о некоем нормативно «правильном» или метафизически «истинном» смысле. Даже если речь идет о так называемых «социальных образованиях», каковы «государство», «церковь», «товарищество», «семья» и т.д., социальное отношение *наличествует* исключительно как *шанс*, что действия, по своему смысловому содержанию явственно взаимно настроенные, совершались, совершаются или будут совершаться. Об этом следует помнить всегда, чтобы избежать «субстанциальной» трактовки данных понятий. Например, «государство» перестанет «существовать» в социологическом смысле, как только исчезнет *шанс* на то, что будут совершаться социальные действия определенного рода. Этот шанс может быть очень большим или исчезающе малым. Но в том смысле и в той *степени*, насколько он фактически (как можно

судить) существовал или существует, существовало или существует также и соответствующее социальное отношение. Никакого иного *ясного* смысла просто не может заключать, например, высказывание, что некоторое определенное государство еще «существует» или уже не «существует».

3. Мы отнюдь не утверждаем, что участники взаимно настроенных действий в конкретном случае вкладывают *одно и то же* смысловое содержание в социальное отношение или же по смыслу внутренне настраиваются в соответствии с настроенностью [Einstellung] партнера, так что «взаимность» существует в *этом* смысле. «Дружба», «любовь», «благочестие», «верность договору», «чувство национальной общности», которые есть у одной стороны, могут натолкнуться на настроенность совершенно иного рода у другой стороны. Тогда участники связывают со своим действием совершенно разный смысл и постольку социальное отношение с обеих сторон оказывается объективно «односторонним». Но взаимная соотнесенность есть и здесь, поскольку действующий *предполагает* (возможно, совершенно ошибочно или только отчасти заблуждаясь) у партнера определенную настроенность по отношению к нему (действующему) и ориентирует свое действие на эти ожидания, что может и по большей части действительно имеет последствия для того, как протекает действие и какие формы принимает отношение. Объективно «обоюдным» оно является, конечно, лишь постольку, поскольку смысловые содержания [обеих сторон] «соответствуют» друг другу – согласно *средним* ожиданиям каждого участника – т.е. настроенность отца, по меньшей мере, приблизительно, так соотносится с настроенностью его детей, как этого (в данном случае или в среднем, или типичным образом) и ожидает отец. Социальное отношение, в полной мере основанное на взаимном смысловом *соответствии* настроенностей является в реальности лишь предельным случаем. Но если взаимности нет, то, в соответствии с нашей терминологией, существование некоторого «социального отношения» исключается тем самым лишь тогда, когда, вследствие этого, *соотнесенность* действий с обеих сторон отсутствует фактически. Как это обычно и бывает в реальности, здесь, как правило, имеется множество промежуточных случаев.

4. Социальное отношение может быть совершенно преходящим или длительным, т.е. настроено таким образом, что существует шанс на постоянное *повторение* соответствующего по смыслу (то есть значимого для него и потому ожидаемого) поведения. *Лишь* наличие этого шанса, т.е. более или менее значительной *вероятности* того, что состоится соответствующее по смыслу действие и *только* оно, означает «*существование*» социального отношения, о чем, во избежание ложных представлений, необходимо помнить *всегда*. Итак, то, что «дружба» или «государство» *существуют* или существовали, означает только и исключительно следующее: *мы (наблюдающие)* формулируем суждение о наличии в настоящем или прошлом *шанса*, что на основании определенного рода настроенности определенных людей будут совершаться *действия*, явственно имеющие, *в среднем*, некий *предполагаемый* смысл, – и более ничего (см. № 2). Таким образом, неизбежная для *юридического* рассмотрения альтернатива, в рамках которой положение *права*, имеющее определенный смысл, либо значимо (в правовом смысле), либо нет, *правоотношение* либо существует, либо нет, *не* имеет силы для социологического рассмотрения.

5. Смысловое содержание социального отношения может меняться. Например, политическое отношение может из солидарности превратиться в столкновение интересов. Стоит ли тогда говорить о возникновении «нового» отношения или о том, что старое продолжает существовать и только обрело новое «смысловое содержание», является лишь вопросом терминологической целесообразности и степени *непрерывности* в изменении. Смысловое содержание может также быть постоянным лишь отчасти, а отчасти быть подвержено изменениям.

6. Смысловое содержание, которое *постоянно* конституирует социальное отношение, может быть сформулировано в виде «максим», соблюдения которых в среднем или приблизительно по смыслу участники отношения *ожидают* от партнера или партнеров и на

которые они, в свою очередь, ориентируют свое действие (в среднем или приблизительно). Это тем более характерно для социального отношения, чем более рационально (целерационально или ценностно-рационально) ориентировано, по своему общему характеру, соответствующее действие. Например, в эротических и вообще аффективных отношениях (например, основанных на благочестии) возможность рационально сформулировать предполагаемое смысловое содержание, естественно, намного меньше, чем в ситуации делового контракта.

7. Смысловое содержание социального отношения может быть *согласовано* обоюдным согласием. Это означает, что участники дают *обещания* относительно своего будущего поведения (по отношению друг к другу или вообще). Тогда каждый участник – коль скоро его соображения носят рациональный характер – прежде всего (с различной степенью надежности) обычно рассчитывает, что *другой* будет ориентировать свое действие на понимаемым им самим (действующим) смысл соглашения. Он ориентирует свое собственное действие отчасти целерационально (соответственно, более или менее, по смыслу, «лояльно») на это ожидание, отчасти ценностно-рационально – на «долг», который он видит в том, чтобы, в свою очередь, «соблюдать» заключенное соглашение соответственно предполагаемому им смыслу. Достаточно пока об этом. См. также ниже, § 9 и § 13.

§ 4. В области социального действия можно наблюдать фактические регулярности, т.е. при типически одинаковом *предполагаемом смысле* повторяется действие в его протекании у одного и того же действующего или же (а иногда и одновременно с этим) – у множества действующих. Этими *типами* протекания действия занимается социология, в отличие от истории, занимающейся каузальным вменением важных, т.е. судьбоносных отдельных связей.

Мы называем *обычаем* фактически существующий шанс, что определенная настроенность социального действия будет иметь характер *регулярности*, если этот шанс существует в некотором кругу людей *исключительно* в силу фактического навыка. Обычай называется *обыкновением*, если фактический навык основывается на длительной *привычке*. И напротив, мы говорим, что [эта регулярность] «основана на *состоянии интересов*» («обусловлена *интересами*»), если и поскольку шанс, что она будет существовать эмпирически, обусловлен *исключительно* чисто целерациональной ориентацией действия индивида на одинаковые *ожидания*.

1. К обычаям относится и «мода». «Модой», в противоположность «обыкновению», называется обычай, если (как раз в отличие от обыкновения) факт *новизны* соответствующего поведения становится источником ориентации на него действия. Она сродни «условностям», потому что, как и эти последние, берет начало (в большинстве случаев) в *сословных* интересах, связанных с престижем. Более подробно мы на этом останавливаться здесь не будем.

2. «Обыкновение», в противоположность «условностям» и «праву», выступает для нас *не* как внешним образом гарантированное правило, которого добровольно придерживается действующий, то ли просто «бездумно», то ли из «удобства», то ли по каким бы то ни было еще основаниям, и вероятное соблюдение которого он по этим же основаниям может ожидать от других людей того же круга. Иначе говоря, обыкновение в этом смысле не есть нечто «значимое», следовать ему ни от кого не «требуется». Переход от обыкновения к значимым *условностям* и к *праву*, конечно, очень и очень плавный. Значимое повсеместно порождается фактическим. Мы теперь имеем «обыкновение» съедать по утрам, в общем, известного рода завтрак, но здесь нет какой-либо «принудительности» (наверное, за исключением тех, кто завтракает в отелях), да и обыкновением это было не всегда. Напротив,

одежда, которую мы носим, даже если она и появляется благодаря «обыкновенению», в наши дни в основном относится уже не к обыкновенению, а к условностям²⁰.

3. Во многих случаях явная регулярность в протекании социального действия, особенно хозяйственного, хотя и не только его, обнаруживается отнюдь не потому, что оно ориентировано на некие нормы, представляющиеся «значимыми», но и не потому, что основанием ее служит обыкновенение. Она основывается лишь на том, что, по существу, определенного рода социальное действие, в среднем, наилучшим образом отвечает нормальным, с точки зрения субъективной, *интересам* участников и они ориентируют свои действия на это субъективное понимание и знание; таковы, например, регулярности ценообразования на «свободном» рынке. Именно заинтересованные лица на рынке ориентируют свое поведение как «средство» на свои *типичные* хозяйственные интересы как цель и на столь же типичные ожидания относительно предполагаемого поведения других как «условия», при которых можно достичь цели. Чем более *строго* целерационально они действуют, тем более сходно реагируют на данные ситуации, и таким образом возникают однообразие, регулярность и непрерывность настроенности и действия, которые часто оказываются при этом намного более стабильными, чем в тех случаях, когда действие ориентируется на нормы и требования [Pflichten], фактически считающиеся «обязательными» для данного круга людей. То, что ориентация исключительно на складывающиеся интересы, свои и чужие, приводит к таким же результатам, как и те, которых пытаются – причем, зачастую, тщетно – достигнуть путем принудительного нормирования, – это явление привлекло к себе значительное внимание, особенно в области хозяйства: отсюда, собственно, и возникла национальная экономия как наука. Но это же явление значимо и в других областях действия. Характерные для него осознанность и внутренняя несостыковка [ориентации действия] полярно противоположны всякого рода стесненности, характерной как для подчинения тому, что просто принято и вошло в «обыкновенение», так для самоотдачу нормам, в которые верят ценностно-рациональным образом. *Одной из* существенных компонент «рационализации» действия является замена внутреннего подчинения принятому, вошедшему в обыкновенение, планомерным приспособлением к складывающимся интересам. Конечно, этим процессом не исчерпывается понятие «рационализации» действия. Ведь она еще может идти и позитивно, ко все более осознанной рационализации ценностей, и негативно, так что от нее проигрывает не только обыкновенение, но и аффективное действие, наконец, от нее выигрывает действие чисто целерациональное, *не* верящему в ценности, и проигрывает действие на основе ценностной рациональности. Эта *многозначность* понятия «рационализации» действия еще не раз станет предметом нашего рассмотрения. (К исследованию самого понятия мы обратимся в *Заключении*.)

4. Стабильность *обыкновенения* (как такового), по существу, основывается на том, что тот, кто не ориентирует на нее свое действие, оказывается «неприспособленным», т.е. должен быть готов к мелким и крупным неудобствам и неприятностям, покуда в его кругу большинство людей считается с тем, что такое обыкновенение существует, и настраивается на него в своих действиях.

Стабильность *складывающихся интересов* точно так же основана на том, что тот, кто не ориентируется в своем действии на интересы другого – не «считается» с ними, – вызывает у другого сопротивление или достигает некоторого не желаемого и не предвидимого результата, т.е. рискует нанести ущерб своим собственным интересам.

§ 5. Действие, в особенности социальное действие, в особенности же социальное отношение, могут быть ориентированы участниками на *представление* о существовании *легитимного порядка*. Шанс, что это произойдет, называется «значимостью» соответствующего порядка.

²⁰ Об обычае и обыкновении еще и сегодня стоит почитать соответствующие места у Иеринга. См.: Ihering R. v. Zweck im Recht. Bd. II. См. также: Oertmann P. Rechtsordnung und Verkehrssitte (1914). а также новейшую работу: Weigel E. Sitte, Recht und Moral, 1919, автор которой согласен со мной в критике Штаммера.

1. Итак, «значимость» порядка есть для нас нечто большее, нежели простая регулярность в протекании социального действия, обусловленная обыкновением или складывающимися интересами. Если компании, занимающиеся перевозкой мебели, регулярно публикуют объявления со своими предложениями ко времени предполагаемых переездов, то эта регулярность обусловлена «складывающимися интересами». Если мелочной торговец вразнос в определенные дни месяца или недели посещает определенных клиентов, то либо это вошло у него в обыкновение, либо так сложились его интересы (соблюдается последовательность в обходе своей территории). Но если чиновник ежедневно в один и тот же час появляется в своем кабинете, то это обусловлено не *только* устоявшейся привычкой (обыкновением) (хотя ею тоже), не *только* сложившимися интересами (хотя ими тоже), которые он, если захочет, может принять или не принять во внимание. Вместе с тем, как правило, главное для него – «значимость» порядка (служебной регламентации) как заповеди, нарушение которой не только нанесло бы ему ущерб, но и (нормальным образом) в ценностно-рациональном смысле отторгается им (хотя и в очень разной степени) в силу «чувства долга».

2. Мы намерены а) называть смысловое содержание социального отношения «порядком» лишь тогда, когда действие (в среднем или приблизительно) ориентировано на явные «максимы». Мы намерены б) говорить о «значимости» этого порядка лишь тогда, когда фактическая ориентация на эти максимы происходит, по меньшей мере, *также и* (т.е. в практически важной степени) потому, что они рассматриваются как нечто значимое для действия, т.е. обязательное или образцовое. Фактически, конечно, участники отношения ориентируют свое действие на некий порядок исходя из самых разных мотивов. Однако то обстоятельство, что, *наряду* с другими мотивами, по меньшей мере для части действующих порядок представляется также и образцовым или обязательным, т.е. *долженствующим* быть значимым, конечно, повышает шансы, причем зачастую весьма заметно, что действие будет ориентировано на этот порядок. Порядок, которого придерживаются, только исходя из целерациональных мотивов, в общем, гораздо более лабилен, чем ориентация, основанная исключительно на обыкновении, на привычности поведения (наиболее часто встречающийся тип внутренней установки [Haltung]). Но он еще более, несравненно более лабилен, чем порядок, обусловленный престижем образцовости и обязательности, который мы будем называть «*легитимностью*». Границы между сугубо традиционной или сугубо целерационально мотивированной ориентацией на некоторый порядок и верой в его легитимность в реальности, конечно, очень размыты.

3. Ориентироваться на значимость порядка в своих действиях можно, не только «следуя» его (понимаемому усредненным образом) смыслу. Даже если «обходят» или «нарушают» его (понимаемый усредненным образом) смысл, то все равно будет *оказывать свое влияние* шанс на то, что в некоторой мере его значимость (как обязательной нормы) сохранится. Прежде всего чисто целерационально. Вор скрывает свои действия и тем самым ориентируется на «значимость» законов уголовного права. «Значимость» порядка для определенного круга людей находит свое выражение как раз в том, что вор *вынужден* скрывать свое преступление. Но, даже если отвлечься от этого предельного случая, зачастую нарушение порядка не выходит за границы более или менее многочисленных частных преступлений, или же нарушители более или менее добросовестно [заблуждаясь], пытаются выдать свои поступки за легитимные. Или же фактически сосуществуют различные трактовки смысла порядка, каждый из которых оказывается – для социологии – фактически значимым в том объеме, в каком он определяет фактическое поведение. Социологу отнюдь не трудно признать, что для одного и того же круга людей значимы различные, *противоречащие* друг другу порядки. Ибо даже индивид может ориентироваться в своих действиях на противоречащие друг другу порядки. Причем не только последовательно, как это обычно случается, но и в рамках одного и того же действия. Кто идет на дуэль, тот ориентируется в своих действиях на кодекс чести, но если он при этом скрывает свои действия или же, напротив, предстает перед судом, то ориентируется уже на уголовный

кодекс. Конечно, если порядок в том его смысле, которому, в среднем, верят, как *правило* обходят или нарушают, тогда этот порядок «значим» еще лишь ограниченно или не «значим» уже совершенно. Итак, в социологии, в отличие от юриспруденции, если иметь в виду ту цель, которую ставит себе эта последняя, значимость и не-значимость не представляют собой абсолютной альтернативы. Между ними, как мы уже отметили выше, есть плавные переходы, противоречащие друг другу порядки могут быть «значимы» одновременно, но только каждый из них тогда «значим» лишь настолько, насколько существует *шанс*, что действие *фактически* [будет] ориентировано именно на него.

Читатели, знакомые с соответствующей литературой, могут вспомнить здесь о той роли, которую понятие «порядок» играет в книге Р. Штамmlера, блестяще, как и все его работы, написанной, но основательно искажающей суть дела и совершенно ошибочной в том, что касается существующих проблем, о чем уже было сказано в Предварительном замечании. (Там же дается отсылка к моей критике Штамmlера, к сожалению, быть может, излишне острой по форме из-за вызванного этой путаницей раздражения.) Штамmlер не только не различает эмпирическую и нормативную значимость, он вообще упускает из виду, что социальное действие ориентируется не *только* на «порядки»; однако самое главное состоит в том (не говоря уже о других ошибках), что Штамmlер логически совершенно несостоятельным образом превращает порядок в «форму» социального действия, которая должна у него играть такую же роль по отношению к содержанию, какую играет «форма» в теории познания. Но фактически, например, хозяйственное (по преимуществу) действие ориентируется на представление о недостаточности определенных имеющихся средств удовлетворения потребностей по сравнению с (представляемой) потребностью, а также на совершающиеся в настоящем и предвидимое в будущем действие третьих лиц, которые принимают в расчет те же самые средства удовлетворения потребностей; однако, *при этом* такое действие, конечно, ориентируется в выборе своих «хозяйственных» регуляций на те «порядки», которые действующий знает как «значимые» законы и условности, т.е. такие, нарушение которых, как ему известно, вызовет совершенно определенную реакцию третьих лиц. Штамmlер совершенно запутал это простейшее эмпирическое положение дел прежде всего тем, что заявил, будто каузальное отношение между «порядком» и реальным действием невозможно по смыслу самих понятий. Действительно, между юридически-догматической, нормативной значимостью порядка и эмпирическим процессом нет никакой каузальной связи, здесь необходимо только задать вопрос, затрагивается ли эмпирический процесс (*правильно* интерпретированным) порядком юридически? *должен* ли он, таким образом, быть (нормативно) значим *для* этого процесса? а если да, то что означает для него это нормативное *долженствование* порядка? Однако между *шансом*, что действие будет ориентироваться на *представление* о значимости понимаемого, в среднем, так-то и так-то порядка, и хозяйственным действием существует, разумеется (в определенных случаях) каузальное отношение в самом привычном смысле слова. А для социологии только тот шанс, что действие будет ориентироваться на это *представление*, и «*есть*» значимый порядок «как таковой».

§ 6. Легитимность порядка может быть *гарантирована*:

I. Чисто внутренне, а именно

1. чисто аффективно, эмоциональной самоотдачей;
2. ценностно-рационально: верой в абсолютную значимость порядка как выражения высших обязательных ценностей (нравственных, эстетических или каких-то еще);
3. религиозно: верой в зависимость обладания благами спасения от соблюдения этого порядка;

II. А также (или исключительно) ожиданием специфических внешних последствий, т.е. складывающимися интересами, однако это – ожидания особого *рода*.

Порядок называется:

а) *условностью*, если его значимость внешне гарантируется шансом в случае отклонения от этого порядка натолкнуться во вполне определенном кругу людей на всеобщее и практически осязаемое *неодобрение*;

б) *правом*, если она внешне гарантируется шансом, что со стороны *штаба* именно на это и настроенных людей [последует] (физическое или психическое) принуждение к соблюдению порядка или наказание за действие, нарушающее порядок²¹.

1. Условностью называется «обыкновение», одобряемое в *некотором кругу* как «значимое» и гарантированное против отклонений от него неодобрением [исходящим от данного круга]. В противоположность праву (в нашем смысле слова) здесь нет *штаба* специально настроенных на принуждение людей. Если Штаммлер намерен отделять условность от права, указывая на абсолютную (в первом случае) добровольность подчинения, то это не согласуется с обычным словоупотреблением и не подтверждается его же собственными примерами. Что индивид будет следовать как обязательному образцу «условности» (в обычном смысле слова), например, пользоваться обычными формами приветствия, носить одежду, которая считается приличной, придерживаться ограничений, налагаемых на общение, как по форме, так и по содержанию, – это совершенно серьезно «предполагается» – и совершенно не является делом его выбора, в отличие, например, от того случая, когда речь идет о простом «обыкновении» готовить себе еду на определенный манер. Нарушение условности («обыкновения, принятого среди людей одного сословия») часто преследуется членами сословия в высшей степени действенным и чувствительным социальным бойкотом, который оказывается сильнее, чем любое правовое принуждение. Здесь не хватает только особого штаба людей, настроенных на действие особого рода, гарантирующее следование [праву] (таковы у нас судьи, прокуроры, чиновники-управленцы, судебные исполнители и т.д.). Но четких границ здесь нет. Предельным случаем, когда гарантии, даваемые порядку условностями, переходят в правовые гарантии, является угроза формальным и *организованным* бойкотом. В нашей терминологии такой бойкот должен был бы уже называться правовым средством принуждения. Для нас здесь не представляет интереса, что условность бывает защищена, кроме *простого* неодобрения, также и другими средствами (например, использованием права хозяина дома против тех, кто нарушает принятые в доме условности). Главное в другом: даже в таком случае эти (часто жесткие) меры принуждения применяет *индивид*, причем *вследствие* неодобрения, связанного с принятыми условностями, и нет штаба людей, который был бы специально предназначен для таких действий.

2. Мы полагаем, что решающим для понятия права (даже если совершенно по-иному вычленяется, если речь идет о других целях) является существование *штаба* принуждения. Конечно, отнюдь не обязательно этот штаб во всем походит на то, к чему мы привычны сегодня. Особенно нет никакой необходимости в «судебной» инстанции. Даже род (когда дело идет о кровной мести и междоусобице) представляет собой такой штаб, *если* только для его реакций действительно значимы какие-либо порядки. Конечно, это – предельный случай того, что еще можно называть «правовым принуждением». «Право народов», как известно, вновь и вновь не признается в качестве «права», потому что у него нет надгосударственной принудительной силы. В терминологии, которую мы здесь выбираем (по соображениям целесообразности), порядок, который внешне был бы гарантирован только ожиданием неодобрения и репрессий со стороны того, кому нанесен ущерб, т.е. гарантирован принятыми условностями и состоянием интересов, при том, что нет штаба людей, настроенных в своих действиях *специально* на его соблюдение, действительно нельзя было бы назвать правом. Конечно же, для юридической терминологии может быть вполне справедливо обратное. Средства принуждения здесь иррелевантны. [К праву, в нашем понимании,] относится даже «братское увещание», принятое прежде в некоторых сектах как первое средство мягкого принуждения грешника, если только оно упорядочено согласно

²¹ См. об условности, наряду с указанными выше сочинениями Иеринга и Вейгелина: Tönnies F. Die Sitte, 1909.

некоторому правилу и проводится некоторым штабом. Равным образом относится к нему и цензорское порицание как средство гарантировать «нравственные» нормы поведения. И уж тем более – психическое насилие, осуществляемое собственно церковными средствами воспитания. Таким образом, есть, конечно же, и «право» иерократическое, политическое или гарантированное уставами союзов, авторитетом главы семейства или товариществами и объединениями. При таком определении понятия и «свод» правил и норм поведения студента оказывается «правом». Разумеется, сюда относится и казус, которому посвящен § 888, абзац 2 Гражданско-процессуального кодекса²² (права, которые не обеспечены санкцией). «*Leges imperfectae*»²³ и естественные обязательства²⁴ суть формы юридического языка, в которых косвенно находят выражение границы или условия применения принуждения. Поэтому принудительным образом навязанный «обычный порядок» [*Verkehrssitte*]²⁵ в этом смысле тоже представляет собой право (см. §§ 157, 242 Гражданского кодекса²⁶)²⁷.

Не всякий значимый порядок обязательно носит всеобщий и абстрактный характер. Например, значимое «положение права» и «правовое решение» некоторого конкретного случая отнюдь не всегда столь различны, как это представляется нам нормальным сейчас. То есть «порядок» *может* оказаться порядком лишь применительно к одному конкретному положению дел. Подробнее об этом следует говорить в социологии права. Нам же, если только не оговорено иное, представляется более целесообразным работать с современными представлениями о соотношении положения права и правового решения.

4. «Внешне» гарантированные порядки могут быть гарантированы еще и «внутренне». Отношения между правом, условностью и «этикой» не представляют собой проблемы для социологии. «Этическая» мерка, в понимании социологии – это подход к человеческому действию, которое востребует себе предикат «хорошее в нравственном смысле», с точки зрения особого рода ценностно-рациональной *веры*, принимаемой за норму, подобно тому, как действие, которое востребует себе предикат «прекрасное», мерит себя тем самым эстетической меркой. В этом смысле этические нормативные представления могут оказать глубокое влияние на действие, и все-таки у них не будет никакой внешней гарантии. Это обычно бывает в тех случаях, когда нарушением этих норм мало затрагиваются чужие интересы. С другой стороны, в таком случае нередко существуют религиозные гарантии. Однако возможны также (в смысле используемой здесь терминологии) гарантии, которые обеспечиваются условностями: неодобрением в ответ на нарушение норм и бойкотом, – а также правовые гарантии: уголовно-правовая или полицейская реакция или гражданско-правовые последствия. С другой стороны, отнюдь не все (во всяком случае, не обязательно) порядки, гарантированные условностью или правом, притязают иметь характер *этических* норм, причем для правовых порядков (часто в виде целерациональных уложений²⁸) такие

²² В оригинале: RZPO, т.е. «Reichszivilprozessordnung», буквально: «Имперский порядок гражданского процесса».

²³ Законы несовершенно вида (*лат.*), «которые не предусматривают никакой санкции: ни ничтожности акта, ни наказания» (Дождев Д. В. Римское частное право. М.: Норма, 1999. С. 94).

²⁴ При естественных обязательствах «долг не сопровождается ответственностью: исковое требование на стороне кредитора не возникает» (Дождев Д. В. Цит. соч. С. 476).

²⁵ В немецкой юриспруденции «*Verkehrssitte*» (буквально: обычай или обыкновение общения) означает обычай или привычку определенной группы лиц («*Verkehrskreis*»), так что при истолковании спорных моментов судья должен принять во внимание «обычный порядок» решения дел и толкования соглашений в этом кругу.

²⁶ В оригинале: BGB, т.е. «*Bürgerliches Gesetzbuch*», буквально: «Свод гражданских законов».

²⁷ См. о понятии «доброе обыкновение» (т.е. обыкновение, которое заслуживает одобрения и потому санкционировано правом): Max Rümelin, in: "Schwäbische Heimatgabe für Th. Häring", 1918.

²⁸ Здесь впервые появляется важный термин Вебера «*gesetz*», т.е. сформулирован, выражен в предложениях (от «*Satz*» – предложение, положение). Отсюда у Вебера образовано «*Satzung*», что мы переводим как «уложение». В тех случаях, когда замена глагола и отглагольных форм существительным нежелательна, мы переводим «*satzen*» как «формулировать». Устойчивое выражение Вебера «*die gesetzte Ordnung*» переводится, в зависимости от контекста и из соображений удобочитаемости, как «порядок, основанный на уложении» или «сформулированный порядок».

притязания в целом свойственны куда меньше, чем для порядков, основанных на условности. *Следует ли* рассматривать распространенное среди людей представление о значимости как то, что принадлежит к области «этики», или же нет (т.е. является «просто» условностью или «просто» нормой права), – этот вопрос не может решаться эмпирической *социологией* иначе, кроме как в соответствии с тем понятием «этического», которое *фактически* значимо теперь или было значимо прежде среди определенного круга людей. В общем этот вопрос применительно к *социологии* решить нельзя.

§ 7. *Легитимная* значимость может приписываться действующими некоторому порядку:

а) в силу *традиции*: значимость того, что было всегда;

б) в силу *аффективной* (особенно эмоциональной) веры: значимость новооткрытого или имеющего характер образца;

в) в силу *ценностно-рациональной* веры: значимость того, что видится абсолютно значимым;

г) в силу позитивного уложения, в *легальность* которого верят.

Эта легальность может представляться *легитимной*

а) в силу договоренности заинтересованных сторон;

б) в силу навязывания (на основе господства людей над людьми, значимого в качестве *легитимного* господства) и послушания.

Все остальное (за исключением нескольких понятий, которые еще должны быть определены) относится к области социологии господства и социологии права. Здесь необходимо отметить лишь следующее:

1. Значимость порядков, освященных традицией, является самой универсальной и самой изначальной. Страх навлечь магические неприятности увеличивал психические препятствия на пути любых изменений укоренившихся привычек действия, а многообразные интересы, которые обычно бывают связаны с сохранением послушания уже имеющему значимость порядку, поддерживали сохранение таких порядков. Подробнее об этом в гл. III.

2. *Сознательное* творение новых порядков изначально и почти всегда, вплоть до статутов эллинских эсимнетов²⁹, было оракулом пророков, по меньшей мере, это было вестью, санкционированной пророками и потому считавшейся священной. Тогда послушание было связано с верой в легитимацию пророка. В эпохи, когда значим был строгий традиционализм, новые порядки, т.е. такие, которые *считались* новыми, могли возникнуть, если не было откровения о новых порядках, лишь таким образом, что они рассматривались как по существу издавна значимые и только еще не *правильно* понимаемые, либо же как временно сокрытые, а теперь *открытые* заново.

3. Самый чистый тип ценностно-рациональной значимости представляет собой «естественное право». Сколь бы ни было ограничено, по сравнению с его идеальными притязаниями, реальное влияние на действие его логически развернутых положений, однако отрицать его невозможно и следует отличать как от права, данного в откровении, так и от права в форму уложений и от традиционного права.

4. Самая распространенная в наши дни форма легитимности – это вера в *легальность*: послушание *формально* корректным уложениям, возникшим обычным образом. Противоположность основанных на соглашениях [praktierter] и навязанных порядков имеет при этом лишь относительный характер. Ибо коль скоро значимость основанного на соглашении порядка покоится не на *единодушном* согласии, – что нередко считалось в прошлом необходимым для подлинной легитимности, – но основывается на том, что в некотором кругу людей желающие уклониться от него *фактически* подчиняются большинству – как это часто и бывает – тогда *фактически* имеет место навязывание порядка

²⁹ Эсимнеты – один из древнейших институтов античной Греции, должностные лица с широкими, вплоть до законодательных, полномочиями, избиравшиеся в периоды кризисов. См. Аристотель. Политика. Кн. IV, гл. VIII.

меньшинству. С другой стороны, совсем не редки случаи, когда склонное к насилию или же более решительное и целеустремленное меньшинство навязывает те порядки, которые затем бывают значимы как легитимные даже для тех, изначально сопротивлялся им. Поскольку «голосования» легальны как средство создания и изменения порядков, нередко воля меньшинства добивается формального большинства, а большинство подчиняется, то есть перевес большинства [Majorisierung] оказывается только видимостью. Вера в легальность порядков, основанных на соглашении, уходит в глубокое прошлое, она встречается иногда даже среди так называемых первобытных народов, но почти всегда она дополняется авторитетом оракулов.

5. Послушание навязанным порядкам со стороны индивида или нескольких индивидов, коль скоро решающими здесь оказываются не страх и не целерациональные мотивы, но представления о легальности, предполагает веру в некотором смысле легитимное насильственное *господство* того или тех, кто навязывает порядок, о чем мы еще будем говорить ниже (§§ 13, 16 и гл. III).

6. Как правило, послушание порядкам обусловлено не только складывающимися интересами самого разного рода, но и смесью приверженности традиции и представлений о легальности, если только речь не идет о совершенно новых уложениях. Конечно, в очень многих случаях тот, кто действует послушно, даже не сознает при этом, идет ли речь об обыкновении, условности или праве. Социология тогда должна выяснить, каков здесь *типичный* вид значимости.

§ 8. *Борьбой* социальное отношение называется постольку, поскольку действие ориентировано на намерение осуществить свою волю вопреки сопротивлению партнера или партнеров. «Мирными» называются те средства борьбы, которые не предполагают непосредственного физического насилия. «Мирная» борьба называется «конкуренцией», если она ведется как формально мирное состязание за возможность распоряжаться теми шансами, которых вожделяют также и другие [действующие]. Конкуренция называется «регулируемой конкуренцией», если по своим целям и средствам она ориентирована на некоторый порядок. Борьба за существование человеческих индивидов или типов друг *против* друга без осмысленного намерения вступить в борьбу (латентная) ради получения шансов на жизнь или выживание называется «отбором»: «социальным отбором», если речь о шансах, которые живущие получают в жизни, «биологическим отбором», если речь идет о шансах на выживание, заложенных в наследственном материале.

1. Между кровавой борьбой, нацеленной на уничтожение жизни противника, борьбой, в которой не соблюдают никаких правил, и регулируемой условностями рыцарской борьбой (при Фонтенуа герольд объявляет: «Messieurs les Anglais, tirez les premiers»³⁰) и регулируемой борьбой-игрой (спорт), между не знающей правил конкуренцией, скажем, эротических соискателей благосклонности дамы [или] привязанной к порядку рынка конкурентной борьбой за [лучшие] шансы при обмене и регулируемые «конкуренциями» художников или «предвыборной борьбой» имеются самые разные, плавные, без разрывов, переходы. Образование особого понятия для [не]насильственной борьбы³¹ оправдывается своеобразием того средства, которое обычно в ней используется, и вытекающими отсюда особыми социологическими последствиями такой борьбы. (См. об этом главу II и далее.)

2. Всякое типичным и массовым образом происходящее борение и конкурирование приводит, несмотря на множество важнейших случайностей и роковых событий, в конце концов к «отбору» тех, кто в наибольшей мере обладает личностными качествами, имеющими важное значение для победы в борьбе. Каковы эти качества – большая ли физическая сила или беззастенчивое лукавство, большая ли интенсивность духовной

³⁰ Господа англичане, стреляйте первыми (*фр.*).

³¹ У Вебера стоит «des gewaltsamen Kampfes», т.е. «насильственной борьбы». Конъектура, предложенная издателем «Хозяйства и общества» Й. Винкельманом, кажется нам оправданной, так как для обычного словоупотребления привычно, скорее, понимание борьбы как насилия.

производительности или мощь легких³² и техника демагога, большее подобострастие по отношению к начальству или по отношению к улещаемым массам, больше оригинальной способности к творчеству или больше социальной способности к приспособлению, больше качеств, которые считаются необычными, или больше таких, которые находятся, как считается, на среднем массовом уровне, – все здесь решают условия борьбы и конкуренции, к которым, наряду со всеми мыслимыми индивидуальными и массовыми качествами, относятся также и те *порядки*, на которые традиционным, ценностно-рациональным или целерациональным образом ориентируется поведение при борьбе. *Каждое* из них оказывает влияние на шансы социального отбора. Не *каждый* социальный отбор есть «борьба» в нашем смысле слова. Прежде всего «социальный отбор» означает, что определенные типы поведения, т.е., эвентуально, и личностных качеств предпочтительны, чтобы выиграть в определенном социальном *отношении* (как «любовник», «супруг», «депутат», «чиновник», «прораб», «генеральный директор», «успешный предприниматель» и т.д.). Тем самым еще ничего не говорится о том, реализуется ли этот преимущественный социальный шанс посредством «борьбы», а кроме того, улучшает ли он или, напротив, ухудшает и биологические *шансы на выживание* типа.

Лишь в тех случаях, когда действительно имеет место *конкуренция*, мы намерены говорить о «борьбе». Весь предшествующий опыт говорит о том, что фактический характер борьба имеет лишь в смысле «отбора», и лишь в смысле *биологического* отбора ее *принципиально* нельзя устранить. Отбор «вечен» потому, что нельзя придумать средство для его полного устранения. Самый строгий пацифистский порядок сумеет регулировать средства, объекты и направление борьбы лишь в том смысле, что какие-то из них исключит. А это значит, что тогда *другие* средства борьбы позволят победить в (открытой) конкуренции или – если представить себе устранение также и ее (что было бы возможно лишь утопически-теоретическим образом) – хотя бы в (латентном) отборе тех, кто имеет лучшие шансы на жизнь и выживание, а также будут благоприятствовать тем, кто обладает такими средствами, будь то материал наследственности или продукт воспитания. Социальный отбор – это эмпирический предел, до которого может дойти устранение борьбы, биологический отбор – предел принципиальный.

3. От борьбы *индивида* за шансы на жизнь и выживание следует отличать, конечно, «борьбу» и «отбор» социальных *отношений*. Здесь эти понятия можно использовать только в переносном смысле. Ибо «отношения» *существуют* только как человеческое *действие*, имеющее определенное смысловое содержание. То есть «отбор» или «борьба» между ними означает, что с течением времени определенного рода действие *вытесняется* другим – тех же самых людей или же других. Здесь имеются разного *рода* возможности. а) Человеческое действие может быть *осознанно* ориентировано на то, чтобы стать помехой определенным конкретным социальным отношениям или отношениям, в общем определенным образом упорядоченным, т.е. помехой *действию*, протекающему соответственно смысловому содержанию этих социальных отношений, или же на то, чтобы воспрепятствовать их возникновению или сохранению («государству» – войной или революцией, заговору – кровавым подавлением, «конкубинатам» – полицейскими мероприятиями, «ростовщичеству» в деловых отношениях – отказом в правовой защите и наказаниями); оно может быть также ориентировано на то, чтобы поощрять существование одной категории этих отношений за счет другой и тем самым сознательно на них воздействовать. Такие цели могут ставить себе как [отдельные] индивиды, так и несколько индивидов совместно. б) Однако, возможно, что в результате как непреднамеренный побочный эффект социального действия и разного рода условий, которые играют важную роль в его протекании, определенные конкретные отношения или отношения определенного рода (это всегда соответствующее *действие*) будут иметь все меньше шансов, чтобы сохраниться или возникнуть заново. Когда меняются какие бы то ни было

³² Игра слов: «Leistungs – oder Lungenkraft».

естественные и культурные условия, такие шансы [на сохранение и возникновение] самых разных социальных отношений оказываются отложены во времени. Вполне допустимо и здесь говорить об «отборе» социальных отношений, например, государственных союзов³³, в которых побеждает «сильнейший» (в смысле «наиболее приспособленный»). Только следует иметь в виду, что этот так называемый «отбор» не имеет ничего общего с отбором человеческих *типов* ни в социальном, ни в биологическом смысле, что в каждом отдельном случае надо спрашивать о тех *основаниях*, в силу которых оказались отложены шансы для той или иной формы социального действия и социальных отношений, или же социальное отношение было взорвано, или же ему было дозволено существовать и далее, несмотря на существование других, и следует иметь в виду, что столь многообразные основания каким-либо одним выражением обозначить нельзя. При этом постоянно существует опасность внести в эмпирическое исследование неконтролируемые *оценки*, прежде всего, заняться апологией *успеха*, зачастую обусловленного в данной конкретной ситуации чисто индивидуально, т.е. в этом смысле слова, «случайного». В последние годы было слишком много примеров такого рода. Ибо то обстоятельство, что в силу совершенно конкретных оснований некоторое (конкретное или качественно специфицированное) социальное отношение было устранено, само по себе еще не доказывает, что оно вообще оказалось «неприспособленным».

§ 9. Социальное отношение называется «общностью»³⁴, если и поскольку настроенность социального действия – в отдельном случае, в среднем или как чистый тип – основывается на субъективно *чувствуемой* (аффективной или традиционной) *сплоченности* участников.

Социальное отношение называется «обобществлением», если и поскольку настроенность социального действия основывается на рационально (ценностно-рационально или целерационально) мотивированном *уравнивании* интересов или на подобным же образом мотивированном *соединении* интересов. Типичным образом обобществление может преимущественно (но не исключительно) основываться на рациональном *соглашении* через взаимные обязательства. Тогда, если обобществленное действие рационально, оно бывает а) ценностно-рационально ориентировано на веру в собственную *обязательность*; б) целерационально ориентировано на ожидание лояльности *партнера*.

1. Эта терминология напоминает о различии, которое ввел Ф. Тённис в своем основополагающем труде «Общность и общество». Однако Тённис для своих целей сразу придал этому различию существенно более специфическое содержание, чем это было бы нужно для наших целей. Самые чистые типы обобществления суть: а) строго целерациональный, основанный на свободном соглашении *обмен* на рынке: актуальный компромисс [участников], имеющих противоположные, но взаимодополнительные интересы; – б) чистое, основанное на свободном соглашении *целевое объединение* [т.е.], договоренность о постоянных действиях его членов, которая, соответственно их намерениям и средствам, рассчитана на преследование чисто деловых (экономических или иных) интересов. – в) ценностно-рационально мотивированное объединение *по убеждению*: рациональная секта, которая, не заботясь об эмоциональных и аффективных интересах, намерена служить только «делу» (что, конечно, реализуется как чистый тип лишь в особых случаях).

2. *Общность* может покоиться на любого рода аффективной, эмоциональной или традиционной основе: пневматическая братская община, эротическое отношение, благоговейное отношение, «национальная» общность, спаянный узами товарищества отряд. Лучше всего подходит под этот тип семейная общность. Однако подавляющее большинство социальных отношений имеет *отчасти* характер общности, а *отчасти* – обобществления. Любое социальное отношение, сколь бы ни было оно целерациональным, продуманным и

³³ «Государственный союз» («Staatsverband») следует понимать не как «союз государств», но как «государство-союз».

³⁴ В оригинале «Vergemeinschaftung». О переводе данного термина см. предисловие к переводу.

целенаправленным (например, отношение покупателя [и продавца]), *может* привести к появлению эмоциональных ценностей, более значимых, чем поставленная цель. К этому клонится – хотя и в очень разной степени – всякое обобществление, выходящее за пределы актуального действующего в целевом объединении, т.е. обобществление, настроенное на большую продолжительность, создающее социальные отношения между равными лицами, а не ограничивающееся с самого начала лишь стремлением к достижению отдельного предметного результата. Таковы, например, обобществление в одном и том же воинском объединении, школьном классе, в одной и той же конторе, мастерской. Равным образом и социальное отношение, нормальный смысл которого состоит в общности, может быть ориентировано всеми или несколькими участниками вполне или отчасти целерационально. Так, например, в разных случаях семейный союз очень по-разному либо ощущается его участниками как «общность», либо используется как «обобществление». Понятие «общности» здесь преднамеренно определяется еще в самом общем виде и охватывает, таким образом, очень гетерогенные совокупности фактов.

3. Общность по своему предполагаемому смыслу является нормальным образом самой радикальной противоположностью «борьбе». Однако это не должно вводить в заблуждение: даже в самых интимных общностях фактическое насилие любого рода по отношению к тому, кто душевно более податлив, совершенно нормально, а «отбор» происходит и в общностях и точно так же приводит в них к появлению различий в шансах на жизнь и выживание, как и повсюду. С другой стороны, обобществления часто представляют собой *только* компромиссы противоборствующих интересов, предполагающие лишь *частичное* устранение предмета или средств борьбы (или, по меньшей мере, предполагающие попытку такого устранения), тогда как сама противоположность интересов и конкуренция за шансы во всем остальном остаются прежними. «Борьба» и общность суть понятия релятивные; борьба ведь принимает самый разный вид, в зависимости от средств (насильственных или «мирных») и решимости их применять. И любого рода порядок социального действующего предполагает, как уже говорилось, что чистый фактический *отбор* в соревновании различных человеческих типов за жизненные шансы так или иначе будет существовать.

4. Отнюдь не всегда общие качества, общая ситуация, общее поведение *суть* общность. Например, общий биологический материал наследственности, который рассматривается как «расовый» признак, сам по себе отнюдь не означает общности тех, кто обладает этим признаком. Если окружающий мир введет для них ограничения на *commercium* и *connubium*³⁵, то они могут оказаться в одинаковой ситуации, т.е. в изоляции от окружающего мира. Но пусть они даже будут одинаково реагировать на эту ситуацию, все равно это еще не общность, и одно только «чувство», что положение и следствия из него у них общие, такой общности еще не создает. Только если на основании этого чувства они каким-то образом *ориентируют* свое поведение друг на друга, возникает социальное отношение между ними, а не только каждого из них – к окружающему миру, – и лишь постольку в этом социальном отношении обнаруживается чувствуемая ими сплоченность, постольку возникает «общность». Например, у евреев – вне сионистских кругов и нескольких других обобществлений, действующих ради еврейских интересов, – это происходит относительно очень редко, причем они зачастую прямо отрицают [такую общность]. Общий язык, весьма сходным образом творимый традицией семьи и ее соседей, в высшей степени облегчает взаимопонимание, т.е. создание всех социальных отношений. Однако сам по себе он еще не означает общности, только облегчая общение в соответствующих группах, т.е. возникновение обобществлений. Самое главное состоит в том, что эти обобществления совершаются между *индивидами* не потому, что у них есть такое свойство – общий язык³⁶, – но постольку они являются иного рода заинтересованными лицами; т.е. ориентация на правила общего языка является изначально лишь средством

³⁵ Торговые [и] брачные связи (лат.).

³⁶ В оригинале: «Sprachgenossen», буквально: «товарищи по языку».

взаимопонимания, а не смысловым содержанием социальных отношений. Только с появлением осознанной противоположности третьим лицам одинаковая для носителей общего языка ситуация может привести к возникновению чувства общности и обобществлений, основанных, как это будет сознаваться [их участниками], на общем языке. – Участие в «рынке» (понятие о котором мы дадим в гл. II) имеет совершенно иной характер. Оно создает обобществление между отдельными партнерами по обмену и социальное отношение (прежде всего «конкуренцию») между теми, кто намерен принять участие в обмене и вынужден ориентироваться в своем поведении друг на друга. Но помимо того, обобществление возникает, только если, например, несколько участников [рынка] заключают соглашение, чтобы вести более успешную ценовую политику³⁷ или чтобы отрегулировать и гарантировать денежное обращение. (Рынок и основанное на нем хозяйство денежного обращения является, впрочем, важнейшим типом того взаимовлияния действований, направляемых голым *интересом* [Interessenlage], которое характерно для современного хозяйства.)

§ 10. Социальное отношение (все равно, общность или обобществление) называется «открытым» для внешнего мира, если и поскольку, в соответствии с его значимым порядком, участие в конституирующем его взаимном социальном действии, ориентированном на его смысловое содержание, не запрещено никому, кто фактически способен на это и склонен к этому. Напротив, отношение является «замкнутым» для внешнего мира тогда, постольку и в той мере, поскольку его смысловое содержание или его значимые порядки либо исключают участие в нем, либо ограничивают, либо связывают это участие с определенными условиями. Открытость и закрытость могут быть обусловлены традиционно, аффективно, ценностно-рационально или целерационально. *Рациональная* закрытость может быть в особенности обусловлена следующим положением дел: социальное отношение может дать шанс участникам удовлетворить свои интересы как внутри, так и вне данного отношения, достигнув целей или добившись результатов как посредством солидарного действия, так и посредством выравнивания интересов. Если участники ожидают, что распространение данного отношения улучшит их шансы (увеличит, изменит характер, упрочит, повысит их ценность), то они заинтересованы в открытости, если же такого улучшения они ждут от монополизации шансов, то они заинтересованы в закрытости по отношению к внешнему миру.

Замкнутое социальное отношение может гарантировать своим участникам монополизированные шансы: а) *свободно* предоставляемые; б) *регулируемые* или *рационализуемые* в соответствии с их величиной и характером; или в) постоянно и (относительно или абсолютно) неотъемлемо *апроприированные*³⁸ индивидам или группам индивидов. Апроприированные шансы называются «правами». Апроприация, в соответствии с [данным] порядком, может быть: 1) апроприацией участникам определенных общностей [Gemeinschaften] и обществ [Gesellschaften] – например, домашних общностей; 2) апроприацией индивидам, причем либо а) апроприацией в чисто личной форме, либо б) таким образом, что в случае смерти прежнего обладателя шанса одно или несколько [лиц], связанных с ним некоторым социальным отношением или по рождению (родством), или тот или те другие, кого он должен указать, вступают во владение шансами (наследственная апроприация). Наконец, 3) апроприация может происходить таким образом, что обладатель шанса более или менее свободно посредством соглашения передает его либо а) определенному другому [лицу], либо, наконец, б) произвольным другим [лицам] (отчуждаемая апроприация). Участник закрытого отношения называется *сотоварищем*, а в случае регулируемого участия, коль скоро оно апроприрует ему шансы, такой участник

³⁷ В оригинале: «Preiskampf», буквально: «борьба за цены».

³⁸ Вебер говорит об апроприации не как об *овладении*, а как о *передаче во владение*. Отсюда – несколько непривычное (в том числе и в немецком языке) управление глагола: не «апроприировать что», а «апроприировать кому».

называется *правовым сотоварищем*³⁹. Шансы, наследственно апроприруемые индивиду или наследственным общностям или обществам, называются *собственностью* (индивидов или соответствующих общностей или обществ), а шансы, передаваемые путем отчуждаемой апроприации, – *свободной собственностью*.

Может показаться, что такие «утомительные» дефиниции бесполезны. Однако это как раз пример того, что именно о «само собой разумеющемся» (из-за его привычной очевидности), как правило, менее всего «размышляют».

1. а) Традиционно замкнутыми бывают обычно те общности [Gemeinschaften], принадлежность к которым основывается на семейных связях;

б) аффективно замкнутыми бывают обычно личные эмоциональные отношения (например, эротические, но и часто и отношения благоговения);

с) ценностно-рационально (относительно) замкнутыми бывают обычно общности [Gemeinschaften], основанные на вере;

д) целерационально замкнутыми типичным образом бывают экономические союзы монополистического или плутократического характера.

Вот несколько произвольно выбранных примеров:

Открытость или замкнутость актуального речевого обобществления зависит от смыслового содержания (беседа в противоположность интимному или деловому сообщению). – Рыночные отношения, по меньшей мере, изначально часто бывают открытыми. – Во многих общностях и обобществлениях можно наблюдать *смену* расширения [Propagierung] замкнутостью и наоборот. Так, например, обстоит дело в гильдиях, в демократических городах античности и Средневековья. Их члены бывали одно время заинтересованы в том, чтобы гарантировать свои шансы силой [Macht] и стремились для этого увеличить свою численность; в другое время они бывали заинтересованы в ценности своей монополии и стремились ограничить членство. Нередко то же самое происходило и в монашеских общинах [Mönchgemeinschaften] и сектах, переходивших от религиозной пропаганды [Propaganda] к замкнутости, чтобы удержать на высоте этический стандарт или же по материальным причинам. Точно так же расширение рынка с целью увеличения оборота может перейти в монополистическое ограничение рынка. В наши дни не редкость пропаганда языка как следствие писательских и издательских интересов, в отличие от прежних времен, когда не редки были закрытые сословные и тайные языки.

2. Регулирование доступа извне и замкнутость по отношению к внешнему миру могут быть обеспечены в очень разной мере и очень разными средствами, так что переход от открытости к отрегулированности и замкнутости оказывается плавным: через выполнение некоторых действий и послушничество, покупку (при определенных условиях) членской доли, через баллотировку каждого доступа, через членство или допуск к членству по рождению (наследственный) или через открытое для всех участие в определенной деятельности. В случае внутренней замкнутости и апроприации [самого отношения] речь идет о приобретении апроприированного права, и условия участия могут иметь самые разные градации. Таким образом, «отрегулированность» и «замкнутость» по отношению к внешнему миру суть понятия соотносительные. Все мыслимые переходы существуют между благородным собранием, театральным представлением, куда можно попасть по билету, и агитационным партийным мероприятием, между богослужением со свободным доступом, сектантским богослужением и мистериями тайного союза.

3. Замыкание *внутри* – применительно к самим участникам и их взаимосвязям – тоже может принимать самые разные формы. Например, замкнутая по отношению к внешнему миру каста, гильдия или, например, сообщество биржевиков [Börsengemeinschaft] может предоставить своим членам возможность свободной конкуренции за все

³⁹ Понятия «Genosse» и «Rechtsgenosse» мы переводим как «сотоварищ» и «сотоварищ по праву» совершенно условно, за неимением лучшего. В отечественной литературе, кажется, нет устоявшейся терминологии для перевода немецких терминов «Gemeinde», «Gemeinschaft», «Genossenschaft». Поэтому невозможно выдержать терминологическое единство при переводе «Genossenschaft» и «Rechtsgenosse» (см. ниже).

монополизированные шансы, но она может также строго ограничить каждого своего члена определенными шансами, апропрированными ему на всю жизнь наследственным (как в Индии) и отчуждаемым образом, например, определенной клиентурой и определенными объектами гешефта; сельская община⁴⁰, замкнутая от внешнего мира, может предоставить и гарантировать члену общины либо свободное землепользование, либо строго привязанную к отдельному домохозяйству долю, а замкнутый от внешнего мира союз поселенцев – либо свободное землепользование, либо апропрированный его члену постоянный надел⁴¹, – и все это со всеми мыслимыми переходами и промежуточными ступенями. Например, внутреннее замыкание круга претендентов на лены, бенефиции и должности и их апроприация владельцам исторически принимали самые разные формы; подобным же образом, когда речь идет о претендентах на рабочие места, возможны [разные градации]: от closed shop⁴² до права на определенное место (предварительная ступень – запрет на увольнение без согласия представителей трудящихся), а первым шагом к этому *могло бы* (но отнюдь не *должно*) стать развитие «советов [представителей рабочих и служащих] на предприятиях». Все частные проблемы нуждаются уже в предметном специальном анализе. Постоянная апроприация достигает наивысшей степени, когда шансы гарантированы индивиду таким образом, что: 1). в случае его смерти их переход в определенные другие руки отрегулирован и гарантирован порядками; 2). обладатели шансов могут свободно передать их любым третьим лицам, которые *тем самым* становятся участниками социального отношения, которое в случае такой полной апроприации является *внутренне*, а одновременно и *внешне* (относительно) *открытым*, коль скоро получение членства *не* связано здесь с согласием других сотоварищей по праву.

4. *Мотивом* замыкания отношения может быть: а) удержание качества, а тем самым (эвентуально) престижа и связанных с ним шансов на честь и (эвентуально) доход. В качестве примера могут быть названы: [ордена]⁴³ аскетов, монахов (в особенности, например, в Индии, нищенствующих монахов), секты (пуритане!), воинские, министерские и другие чиновничьи и политические союзы граждан (например, в античности), объединения ремесленников; б) оскудение шансов сравнительно с нуждами (потребления) («область [добычи] пропитания» [ограничена]), так что приходится ввести монополию на потребление (архетип: сельская община [Markgemeinschaft]); в) оскудение шансов на получение дохода («область получения дохода»), так что приходится ввести монополию на получение дохода (архетип: гильдейские союзы или старые рыбацкие союзы и т.д.). В большинстве случаев мотив а) комбинируется с мотивами б) или в).

§ 11. Для тех, кто участвует в социальном отношении, в соответствии с традиционным порядком или сформулированным порядком, следствием этого участия может быть [вменение, т.е.] определенные виды действий а) *каждого* участника отношения *вменяются всем* участникам («солидарным товарищам» [Solidaritätsgenossen]) или б) действие определенных участников («представителей») *вменяется* другим участникам («представляемым»), так что и шансы, и последствия действия либо идут им во благо, либо падают на них бременем. Представительская власть (полномочие) может, в соответствии со значимыми порядками, 1). быть апроприрована самыми разными способами и в самой разной степени (собственное полномочие), или 2). согласно определенным признакам, на время или постоянно предоставлена [кому-либо], или 3). посредством определенных актов участников или третьих лиц на время или постоянно перенесена [на кого-либо] (полномочие, основанное на уложении). Об условиях, при

⁴⁰ В оригинале: «Markgenossenschaft», буквально: «товарищество членов марки» или, как традиционно переводится в нашей исторической литературе, «марковая община». У Вебера еще встречается «Markgemeinschaft», что мы, специально оговаривая, тоже переводим как «сельская община». «Markgenosse» («сотоварищ по марке») переводится как «член общины».

⁴¹ В оригинале: «Hufenanteil», т.е. «доля гуфы», земельного надела в марке.

⁴² Буквально: «закрытое предприятие» (англ.), предприятие, нанимающее на работу только членов профсоюза.

⁴³ Это добавление сделано издателем Вебера Й. Винкельманом.

которых социальные отношения (общности [Gemeinschaften] или общества) рассматриваются как отношения солидарности или представительства, можно, в общем, только сказать, что решающее значение при этом имеет то, в какой степени целью участников, на которую они ориентируются в своих действиях, является либо а) насильственная борьба, либо б) мирный обмен; в остальном же весьма важны те особые обстоятельства, выявить которые можно только при специальном анализе. Конечно, менее всего вероятно, что указанные следствия наступят в тех отношениях, где чисто *идеальных* благ добиваются мирными средствами. Часто, хотя и не всегда, солидарность или представительство развиты тем больше, чем больше внешняя замкнутость отношения.

1. «Вменение» может практически означать: а) пассивную или активную солидарность: При этом все участники считаются ответственными за действия одного точно так же, как и сам он отвечает за свои действия, но, с другой стороны, шансы, которые обеспечиваются его действиями, могут быть легитимным образом использованы всеми. Это может быть ответственность по отношению к духам или богам, то есть религиозно ориентированная ответственность. Это может быть также ответственность по отношению к людям, причем [в основании действий за или против] правовых сотоварищей лежит либо условность (кровная месть за сородичей [Sippengenossen] или месть сородичам, репрессалии⁴⁴, направленные против граждан [своего] города и соплеменников [Konnationale]), либо право (наказания родственников, наказания членов своего домохозяйства, членов своей общины, личное поручительство членов домохозяйства и членов торгового общества друг за друга). Исторически важные следствия имела и солидарность по отношению к богам (для древнеизраильских, древнехристианских и старых пуританских общин). б) С другой стороны, оно может означать (по меньшей мере!) хотя бы следующее: те, кто, в соответствии с традиционным или сформулированным порядком, участвуют в замкнутом отношении, соглашаются, что касается их собственного поведения, считать *легальным* распоряжение какого бы то ни было рода шансами (особенно экономическими) со стороны их представителя. (Распоряжение со стороны «правления» какого-либо «объединения» или представителя какого-либо политического или экономического союза вещными благами, которые, в соответствии с порядком, должны служить «целям союза», «имеет законную силу» [Gültigkeit]).

2. «Солидарность» как факт типична: а) для традиционных общностей [Gemeinschaften], [члены которых объединены] рождением и [совместной] жизнью (типичные примеры: дом и род); б) для замкнутых отношений, насильственно утверждающих свою монополию на шансы (типичные примеры: политические союзы, особенно в прошлом, но достаточно часто и в наши дни, особенно на войне); в) для обобществлений, ориентированных на получение дохода, когда участники лично ведут дело (типичный пример: открытое торговое общество); г) при определенных обстоятельствах – в рабочих обществах (типичный пример: артель⁴⁵). – «Представительство» как факт типично для целевых объединений и союзов, имеющих уложения, в особенности тогда, когда речь идет о собирании «доверительной собственности»⁴⁶ и управлении ею.

3. Наделение представительской властью в соответствии с некоторыми «признаками» происходит, например, в силу возрастной очередности или сходных фактов.

4. Более подробно о таких вещах следует говорить не в общем, но при конкретном социологическом анализе. Самый древний и наиболее распространенный факт, который имеет сюда отношение, – это *репрессалии*, будь то в форме мести или взятия в заложники.

§ 12. *Союзом* называется социальное отношение, доступ к которому извне отрегулирован и ограничен или замкнут, если поддержание этого порядка гарантируется соответствующим образом настроенным поведением определенных людей: *руководителя* и,

⁴⁴ Т.е. ответные карательные меры.

⁴⁵ Вебер использует русский термин в немецкой транскрипции: «Artjel».

⁴⁶ В оригинале: «Zweckvermögen», т.е. «состояние, служащее какой-либо цели». Сам Вебер расшифровывает этот немецкий термин как аналог английскому «trustee» ниже, в главе о социологии права (S. 434).

эвентуально, *штаба управления*, который обычно располагает также представительской властью. Руководство или участие в действии штаба управления – «правительственная власть» – может быть а) апроприрована или б) предоставлена лицам, определяемым порядками союза в соответствии с определенными признаками или в определенной форме, постоянно или на время, или в определенных случаях. «Действием союза» называется а) соотношенное с осуществлением порядка, легитимное в силу правительственной или представительской власти действие самого штаба управления, б) *направляемое* им посредством распоряжений⁴⁷ действие участников союза.

1. Первоначально для понятия союза не важно, идет ли речь об общности или обобществлении. Достаточно того, что есть «руководитель»: глава семейства, правление объединения, управляющий, князь, президент государства, глава церкви, действие которого настроено на осуществление порядка союза. Именно этот специфический вид *действия*, не просто ориентированного на порядок, но настроенного на *принуждение* к порядку, социологически добавляет к факту замкнутости «социального отношения» практически важный новый признак. Ибо не всякая замкнутая общность и не всякое замкнутое обобществление суть «союз», например, эротическое отношение или родовая община [Sippengemeinschaft], в которой нет руководителя.

2. «Существование» союза неразрывно связано с «наличием» руководителя и, эвентуально, штаба управления. Точнее говоря, оно неразрывно связано с *шансом* на то, что *действие* определенных лиц будет, по своему смыслу связано со стремлением осуществить порядки союза, т.е. что есть такие лица, которые «настроены» при определенных обстоятельствах действовать в этом смысле. Первоначально для понятия союза совершенно безразлично, на чем основана эта настроенность: на традиционной, аффективной или ценностно-рациональной самоотдаче (долг ленника, чиновничий, служебный долг) или на целерациональных *интересах* (заинтересованность в зарплате и т.д.). Итак, социологически союз, согласно нашей терминологии, не «существует» иначе, кроме как шанс на совершение ориентированных таким образом действий. Если нет шанса на совершение таких действий со стороны определенного *штаба* лиц (или определенного отдельного лица), то, согласно нашей терминологии, существует лишь «социальное отношение», но не «союз». Но пока существует шанс на такие действия, союз, с социологической точки зрения, существует, *несмотря на смену лиц*, ориентирующихся в своих действиях на соответствующий порядок. (Мы даем дефиницию таким образом, чтобы сразу включить в нее *этот* факт.)

3. а) Кроме действия самого штаба управления или действий под его руководством, возможно также типичное действие других участников, специфически ориентированное на порядок союза, смысл которого состоит в гарантиях осуществления порядка (например, налоги или литургические личные действия любого рода: служба присяжных, военная служба и т.д.). б) Значимый порядок может также содержать нормы, на которые должно ориентироваться действие участников союза в *других* делах [не касающихся его сохранения], (например, в государственном союзе частнохозяйственное действие, служащее не принуждению к значимому порядку союза, но индивидуальным интересам, ориентируется на «гражданское» право). Случаи, указанные в пункте а), можно назвать «действием, соотношенным с союзом», а случаи, указанные в пункте б), – действием, отрегулированным союзом. Лишь действие самого штаба управления и, кроме того, все планомерно *руководимые* им действия называются «союзным действием». Например, для всех участников «союзным действием» была бы война, которую «ведет» государство, или «резолуция», которую принимает правление объединения, «договор», который заключает руководитель и «действие» [Geltung] которого навязывается и вменяется членам союза (см. § 11), далее, ход всей «юрисдикции» и «управления» (см. также § 14).

⁴⁷ К этому месту Й. Винкельман добавляет «соотношенное с союзом» и дает отсылку к пункту 3 последующих пояснений Вебера.

Союз может быть а) автономным или гетерономным, б) автокефальным или гетерокефальным. Автономия означает, что порядок формулируется не теми, кто находится вне его, как при гетерономии, но самими членами союза в силу одного только членства (каковы бы ни были иные результаты этого членства). Автокефалия означает, что руководитель и штаб управления назначаются в соответствии с порядками самого союза (как бы ни происходило это назначение), а не теми, кто, как при гетерокефалии, находится вне его.

Например, гетерокефалия существует при назначении губернаторов канадских провинций (центральным правительством Канады). Гетерокефальный союз может быть также автономным, а автокефальный – гетерономным. И в обоих аспектах союз может быть *частично* таким, а *частично* – другим. Автокефальные немецкие союзные государства, несмотря на свою автокефалию в рамках имперской компетенции были гетерономны, а в рамках своей компетенции (например, в вопросах церкви и школы) – автономны. Эльзас-Лотарингия была в Германии в ограниченном объеме автономна, но гетерокефальна (штатгальтера назначал кайзер). Такого рода ситуации могут также иметь место лишь отчасти. Союз, который является *одновременно* совершенно гетерономным и совершенно гетерокефальным, как правило, следует называть частью более обширного союза. Но действительно ли это так, зависит от того, в какой *мере* действие в данном случае фактически является самостоятельным, что же касается терминологии, то [называть ли его союзом или частью союза] – это лишь вопрос целесообразности.

§ 13. Сформулированные порядки обобществления могут возникать: а) благодаря свободному соглашению или б) благодаря навязыванию и послушанию. Правительственная власть в союзе может воспользоваться легитимной силой, чтобы навязать новые порядки. *Конституцией* союза называется *фактический* шанс на некоторой степени и некоторого рода послушание *обязывающей* силе существующей правительственной власти, связанное с некоторыми предпосылками. К этим предпосылкам могут относиться, в соответствии со значимым порядком, в особенности, слушания или одобрение со стороны определенных групп или доли участников союза, а кроме того, самые разные другие условия.

Порядки союза могут быть навязаны не только его членам, но и не членам, если имеют место определенные *обстоятельства*. Таким обстоятельством в особенности может быть отношение к некоторой территории [Gebiet] (присутствие, рождение на ней, совершение некоторых действий на этой территории): «территориальная значимость». Союз, порядки которого навязывают преимущественно [свою] территориальную значимость, называется территориальным союзом. При этом неважно, насколько его порядок также и внутри, по отношению к членам союза имеет *лишь* территориальную значимость (что, впрочем, возможно и действительно встречается, хотя бы в ограниченном объеме).

1. В нашей терминологии *всякий* порядок, возникший не благодаря свободному соглашению всех участников, есть порядок навязанный. Это относится и к «решению большинства», которому подчиняется меньшинство. Поэтому легитимность решений большинства (см. ниже, в разделах о социологии господства и социологии права) на протяжении долгих эпох часто не признавалась или была проблематичной (так обстояло дело с сословиями еще в Средние века, и так же, вплоть до наших дней, в русской общине⁴⁸).

2. Даже формально «свободные» соглашения часто, как всем известно, фактически бывают навязаны (именно так обстоит дело в общине). Тогда для социологии решающее значение имеет *фактическое* положение дел.

3. Понятие «конституция», которое мы здесь используем, применял также Лассаль. Оно не тождественно «писанной» конституции, вообще конституции в юридическом смысле. С точки зрения социологии вопрос состоит лишь в том, когда, по отношению к каким предметам и *внутри каких границ* и – эвентуально – при наличии каких особых предпосылок (например, с одобрения богов или жрецов или с согласия выборных коллегий и т.д.) члены

⁴⁸ Вебер использует русский термин в немецкой транскрипции: «Obschtschina».

союза *слушаются* руководителя, а штаб управления и союзное действие находятся в его распоряжении, когда он «отдает указания» и, в особенности, навязывает порядки.

4. Основным типом навязываемой «территориальной значимости» являются нормы уголовного права и многие другие «положения права», для которых присутствие, [место] рождения, место преступления, место исполнения и т.д. на территории союза суть, в политических союзах, предпосылки применения порядка (Ср. понятие «территориальной корпорации» у О. ф. Гирке и Х. Пройса).

§ 14. Порядок, регулирующий союзное действие, называется *порядком управления*. Порядок, регулирующий иное социальное действие и выступающий *гарантом* тех шансов, которые это регулирование открывает для действующих, называется *порядком регулирования*. Если союз ориентирован только на порядки первого рода, он называется союзом управления; если только на порядки второго рода, – регулирующим союзом.

1. Разумеется, большинству союзов присуще и то, и другое. Союзом *исключительно* регулирующим было бы, например, теоретически мыслимое чистое «правовое государство» абсолютного *laissez faire*⁴⁹ (конечно, это предполагало бы также, что и регуляция денежной системы предоставлена частному хозяйству).

2. О понятии «союзного действия» см. § 12, пункт 3. Под понятие «порядок управления» подпадают все правила, поскольку они должны быть значимы для поведения штаба управления и членов союза «по отношению к союзу», если воспользоваться привычным словосочетанием, иначе говоря, – для достижения тех целей, ради которых порядки союза предписывают штабу управления и членам союза действовать *планомерно*. При абсолютно коммунистической организации хозяйства под это понятие подпадало бы чуть ли не *все* социальное действие, а при абсолютно правовом государстве – только деятельность судей, полицейских, присяжных и солдат, а также [действия граждан] в качестве законодателей и избирателей. В общем – но не в каждом отдельном случае – граница между порядком управления и порядком регулирования совпадает с тем, что в политическом союзе различают как «публичное» и «частное» право. (Подробнее об этом см. в разделе, посвященном социологии права.)

§ 15. *Предприятием* называется непрерывное *целевое* действие определенного рода, *предприятием-союзом* – обобществление со штабом управления, непрерывно действующим целевым образом.

Объединением называется заключаемый по соглашению союз, сформулированные порядки которого значимы лишь применительно к тем, чье участие в объединении обусловлено личным вхождением.

Учреждением называется союз, сформулированные порядки которого бывают (относительно) успешно навязаны в пределах некоторой определенной области применения всякому определенному, в соответствии с известными признаками, действию.

1. Под понятие «предприятие» подпадает, конечно, и выполнение политических и жреческих обязанностей, забота о делах объединения и т.д., коль скоро мы обнаруживаем здесь признак целевой непрерывности.

2. И «объединение», и «учреждение» суть союзы с *рационально* (планомерно) сформулированными порядками. Точнее говоря, *если* порядки союза носят рационально сформулированный характер, такой союз называется объединением или учреждением. Прежде всего «учреждением» являются государство со всеми своими гетерокефальными союзами и – коль скоро ее порядки рационально сформулированы – церковь. Порядки «учреждения» значимы применительно ко всякому, кто *подходит* по определенным признакам (рождение, пребывание, обращение в определенные инстанции), независимо от того, вступил ли данный индивид в учреждение лично, как это свойственно объединению, и даже независимо от того, принимал ли он участие в формулировании порядков. То есть это в

⁴⁹ Свободного предпринимательства (*фр.*).

совершенно специфическом смысле *навязанные* порядки. Учреждением *может* быть в особенности *территориальный* союз.

3. Противоположность объединения и учреждения *относительна*. Порядки объединения могут затрагивать интересы третьих лиц, и тогда последним может быть навязано признание значимости данных порядков, как посредством узурпации и произвола со стороны объединения, так и посредством легально сформулированных порядков (примером может служить акционерное право).

4. Вряд ли стоит еще специально подчеркивать, что «объединение» и «учреждение» отнюдь не исчерпывают *всю* совокупность мыслимых союзов. Они, кроме того, представляют собой лишь «полярные» противоположности (таковы в сфере религиозной «секта» и «церковь»).

§ 16. *Власть* означает любой шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения, даже вопреки сопротивлению, на чем бы такой шанс ни был основан.

Господством называется шанс встретить повиновение у определенных лиц приказу известного содержания; *дисциплиной* называется шанс встретить у определенного множества людей немедленное, автоматическое и схематическое, в силу привычной настроенности, повиновение.

1. Понятие власти социологически аморфно. Все мыслимые качества человека и все мыслимые конstellации могут позволить ему осуществить свою волю в некоторой ситуации. Поэтому социологическое понятие господства должно быть более точным и может означать лишь шанс встретить послушание какому-либо *приказу*.

2. Понятие дисциплины включает в себя и «привычное», некритическое и беспрекословное повиновение *масс*.

Факт господства связан лишь с актуальным наличием *некоторого иного*, отдающего приказы, однако он не связан безусловным образом с существованием как штаба управления, так и союза, однако, по меньшей мере, во всех нормальных случаях, он связан с существованием чего-то *одного* из двух. Союз, поскольку его члены в силу значимых порядков подчинены отношениям господства, называется *союзом господства*.

1. Отец семейства господствует без штаба управления. Предводитель бедуинов, взимающий контрибуцию с караванов, людей и товаров, которые минуют его укрепление в скалах, господствует над всеми этими меняющимися и неопределенными, не находящимися в союзе друг с другом лицами, поскольку и до тех пор, пока они оказываются в определенной ситуации, господствует благодаря своей свите, которая, в случае необходимости, служит ему в качестве принуждающего их штаба управления. (Теоретически можно представить себе такое господство даже со стороны одного человека, без штаба управления.)

2. Из-за существования штаба управления всякий союз в некоторой степени представляет собой союз господства. Однако это понятие относительное. Нормальный союз господства как таковой является также и союзом управления. Своеобразие союза определяется видом управления, характером того круга лиц, благодаря которым совершается управление, объектами управления и тем, насколько далеко простирается действие господства [Herrschaftsgeltung]. Два первых момента из перечисленных, в свою очередь, в сильнейшей степени определяются тем, каковы основы *легитимности* господства (см. об этом ниже, гл. III).

§ 17. *Политическим* союзом называется союз господства, если и поскольку его существование и значимость его порядков в пределах некоторой поддающейся определению географической *области* постоянно гарантируются применением и угрозой применения *физического* принуждения со стороны штаба управления. *Государством* называется политическое *предприятие-учреждение* если и поскольку его штаб управления с успехом пользуется *монополией легитимного* физического принуждения для осуществления порядка. «Политически ориентированным» называется социальное действие, прежде всего

именно союзное действование, если и поскольку целью его является влияние на руководство политического союза, в особенности апроприация, экспроприация, новое распределение или предоставление правительственной власти.

Иерократическим союзом называется союз господства, если и поскольку, чтобы гарантировать его порядки используется психическое принуждение посредством раздачи благ спасения или отказа в них (иерократическое принуждение). *Церковью* называется иерократическое учреждение-предприятие, если и поскольку его штаб управления пользуется монополией легитимного иерократического принуждения.

1. Разумеется, насилие не является ни единственным, ни даже нормальным средством управления политических союзов. Напротив, их руководители пользуются вообще всеми возможными средствами, чтобы осуществить свои цели. Но угроза насилием и, эвентуально, применение насилия является, конечно, их *специфическим* средством и вообще *ultima ratio*⁵⁰, если отказывают иные средства. Насилие как *легитимное* средство использовали и используют не *только* политические союзы, но и роды, дома, объединения [Einungen], а в Средние века, при определенных обстоятельствах, – все, кто имел право носить оружие. Политический союз отличает применение насилия (по меньшей мере, также и) для того, чтобы гарантировать «порядки», а *наряду* с этим характерен и другой признак: его штаб управления и его порядки господствуют и гарантируются насилием в некоторой *области*. Поскольку такой признак обнаруживается у союзов, применяющих насилие, – будь то деревенские общины [Dorfgemeinden] или даже отдельные домашние общности или союзы гильдий или рабочих союзов («Советы»), *постольку* они должны называться политическими союзами.

2. Невозможно давать определение политическому союзу, в том числе и государству, указывая на цели его союзного действования. Начиная с обеспечения продовольствием и кончая покровительством искусству нет ни одной цели, которой бы иногда *не* преследовали политические союзы; начиная от гарантий личной безопасности и кончая юрисдикцией нет ни одной цели, которой бы не преследовали *все* они. Поэтому «политический» характер союза можно определить *только* через *средство*, в определенных обстоятельствах становящееся самоцелью, которое свойственно не ему одному, но для него специфично, а для его существа *необходимо*: насилие. Это не вполне соответствует привычному словоупотреблению, но без дальнейших уточнений оно непригодно. Говорят о «валютной политике» Имперского банка, о «финансовой политике» руководства объединения, о «школьной политике» общины [Gemeinde], понимая под этим планомерное рассмотрение определенных дел и *руководство* ими. Существенно более характерным образом «политическую» сторону или «политическую» важность вопроса, «политического» чиновника, «политическую» газету, «политическую» революцию, «политическое» объединение, «политическую» партию, «политические» последствия отличают от других: хозяйственных, культурных, религиозных и т.д. сторон или видов соответствующих лиц, предметов, процессов. Речь идет о том, что связано с отношениями господства в «политическом» (в нашем словоупотреблении) союзе, т.е. государстве, о том, что может повлечь за собой сохранение, изменение, переворот в отношениях господства, что может препятствовать или способствовать этому, в противоположность тем лицам, предметам, процессам, которые с этим никак не связаны. Таким образом, в этом словоупотреблении тоже подчеркивается общее *средство* – «господство», а именно то, каким *образом* его осуществляют государственные власти; при этом исключается из рассмотрения цель, которой служит господство. Поэтому можно утверждать, что определение, на котором мы здесь основываемся, представляет собой лишь уточнение [обычного] словоупотребления, поскольку в нем резко подчеркивается действительно специфическое: насилие (актуальное или эвентуальное). В таком словоупотреблении «политическими союзами» оказываются, правда, не только сами носители считающегося легитимным насилия, но и, например, партии

⁵⁰ Последним доводом (*лат.*).

и клубы, которые ставят своей целью воздействие (в том числе и явно *не* насильственное) на политическое союзное действовање. Мы намерены отличать такого рода социальное действовање как «политически ориентированное» от собственно "политического" действоваания (того *союзного* действоваания самих политических союзов, о котором говорится в § 12, пункт 3).

3. Понятие *государства*, поскольку в полной мере оно развивается только в современную эпоху, следует определять также соответственно его современному типу, вновь абстрагируясь, однако же, от его изменчивых, как мы только что видели, содержательных целей. Нынешнее государство формально характеризуется управленческим и правовым порядком, который может меняться посредством уложений. На этот порядок ориентируется предприятие союзного действоваания штаба управления (который тоже упорядочен уложениями), которое притязает быть значимым не только для членов союза – в основном, уже по рождению принадлежащих к нему, – но и для всякого действоваания, совершающегося в подвластной ему области (т.е. [значимым по типу] территориального учреждения). [Нынешнее государство формально характеризуется также тем], что насилие в наши дни «легитимно» лишь постольку, поскольку его допускает или предписывает государственный порядок (например, за отцом семейства оставляют «право на воспитание»), что представляет собой лишь остаток некогда существовавшего насилия со стороны домохозяина, насилия, обладавшего собственной легитимностью и доходившего до распоряжения жизнью и смертью детей или рабов). Этот монопольный характер насильственного господства со стороны государства представляет собой столь же существенный признак его современного положения, как и то, что оно носит характер рационального «учреждения» и непрерывно действующего «предприятия».

4. Решающим признаком для понятия иерократического союза не может быть то, какого *вида* блага спасения он обещает – посюсторонние, потусторонние, внешние, внутренние; главное состоит в том, что их раздача может стать основой духовного *господства* над людьми. Напротив, для понятия церкви, в соответствии с обычным (и целесообразным) словоупотреблением, характерно, что она имеет (относительно) рациональный характер⁵¹ учреждения и предприятия, который находит свое выражение в определенном виде порядках и штабе управления, и притязает на монопольное господство. Церковному учреждению нормальным образом свойственно *стремиться* к иерократическому господству над *областью* и (епархиальное) территориальное членение, причем в конкретных случаях вопрос, какими средствами подчеркивается это притязание на монополию, решается по-разному. Но для церквей фактически монопольное господство над *областью* исторически не было таким существенным, как для политического союза, и оно совершенно несущественно для них в наши дни. То, что церковь носит характер «учреждения», в особенности то, что человек «воцерковлен от рождения», отделяет ее от «секты», для которой характерно, что она является «объединением» и принимает в себя только тех, кто религиозно квалифицирован. (Более подробно речь об этом идет в [разделе о] социологии религии).

Перевод с немецкого и комментарии А.Ф. Филиппова

⁵¹ Характерен характер (...charakter ... charakteristisch) – либо стилистический ляпсус Вебера, либо сознательное «уплотнение» дефиниции.